

ВІЛЬНЕ

ВОЛЬНОЕ

КАЗАЧЕСТВО

КОЗАЦТВО

10 Května 1931.

Volné Kozáctvo

Ročník IV.

80

10-го мая 1931 г.

10-го травня 1931 р.

П Р А Г А

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 4-ый

РІК ВИДАННЯ 4-ий

1. *И. М. Назаров*: Сон. (Sen).
 2. *Сашка Балыков*: Чужой Бог. (Cizí Bůh).
 3. *Я. Рудик*: * * * Вірш. (Verše).
 4. *Алексей Персидсков*: Весна. (Jaro).
 5. *Вадим Курганский*: На Туреччину... (Na turky!).
 6. *Оксана Печениг*: Степ. (Step).
 7. *Гарун Дальвей-Бей*: Элегия. (Verše).
-
8. Вместо полемики. (Na místě polemiky).
 9. *В. Куртин*: S. O. S.
 10. *П. Кудинов*: Восстание Верхне-Донцов в 1919 г. (Povstání Vrchné-Doncov r. 1919).
 11. *П. И. Кокушко*: Наше прошлое. (Naše minulé).
 12. *И. С. Константинов*: Таежный поход. (Tažení tajgou).
 13. *М. Бытыньский*: Гимны. (Hymny).
 14. *Ф. Воропинов*: Ледоход. (Ledy jdou).
 15. *И. Билый*: И. И. Томаревский. (I. I. Tomarevský).
 16. Думы и мысли. (Dumy a myslí).
 17. *Ш. Балинов*: Казачий разговор. (Kozácká rozmluva).
 18. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
 19. В Казаккии. (V Kozakii).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Югославия. — Я. Г. — Получено. Привет.
 Болгария. — Г. А. — Будет помещено в следующем номере. Привет.
 Мраморак. — Г. А. — Присланных Вами фотографий не могли, к сожалению, использовать, т. к. они — неясные (для клише). Привет.
 Румыния. — Н. Л. — Таких школ нет. Привет.
 Чикаго. — С. С. — Будет помещено в следующем номере. Привет.
 Югославия. — С. С. — Будет помещено в следующем номере. Привет.
 Укр. Нац. Раді в Бельгії. — Дякуємо.
 Болгария. — И. Т. — Получено. Привет.
 Югославия. — К. Ш. — Получено. Привет.

Франция. — А. Т. — Книги Вам посланы. Привет.
 Польша. — С. Б. — Получено. Журнал Вам посылается.
 Париж. — А. О. — Будет помещено в следующем номере. Привет.
 Италия. — Н. П. — Ответ послан. Привет.
 Злин. — В. О. — Получено. Привет.
 Персия. — П. Б. — Ответ послан. Привет.
 Франция. — П. С. — Исполнено. Привет.
 Афины. — А. Л. — Получено. Будет помещено. Привет.
 Франция. — И. О. — Присланное используем. Привет.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вильне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: Виктор Карпушкин.

В БРАТИСЛАВЕ: А. Л. Персидсков.

В ЮГОСЛАВИИ:

А. А. Гейман. Zajечар.

Г. В. Алферов — Мраморак. (Banat).

А. Чекин. Крагуевац.

П. Апостолов. Скопье.

В РУМЫНИИ:

С. М. Маргушин. M-eur Margouchine. Str. Mocancuta, 12, Bukarest V.

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ:

П. С. Ковган. Харбин. Биржевая, 58. (P. Kovgan. Harbin. Birjeva, 58).

В ПОЛЬШЕ:

Б. В. Фесенко. W. P. Ing. B. Fesenko, ul. Twarda, 50, m. 3.

Вл. Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo, ul. Boguszew:ka 5, m. 1.

С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Hotel „Sokolowski“, ul. Niemecka, 1, Wilno.

В БРАЗИЛИИ:

С. Савицкий. S. Savytzky. Caixa postal № 38, Porto Uniao — E. Sta. Catharina.

В О Ф Р А Н Ц И И:

Ш. Н. Балинов. M-eur Balinoff, 1, rue Vautier, Joinville le Pont (Seine).

M-r Ivanoff, cantine russe, „C. G. c. B.“ Paray le Monial (Saone et Loire).

Е. М. Якименко. M-eur Yakimenko, 29, rue de la Tour, Malakoff (Seine).

Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; 82, av. Sidoine Apollinaire, Lyon-Vaise.

А. К. Ленивов. M-eur Lenivoff; 27, rue Neuport, Monplaisir-Plaine. Lyon.

И. В. Чуприна. M-eur I. Tchouprina; 59, rue du Marechal Joffre, Cenon (Gironde).

С. И. Шепель. — M-eur Shepel, canep Victor Hugo, Refuge Russe, Marseille.

И. Т. Курило. M-eur Kourilo, Bourg des Maisons, par la Tour Blanche.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово — гара. Видинско.

Т. Л. Ляхов. София, ул. Бачо-Киро, 52.

Н. В. Аниканов. Княжево — Софийско, б. Ц. Борис, 85.

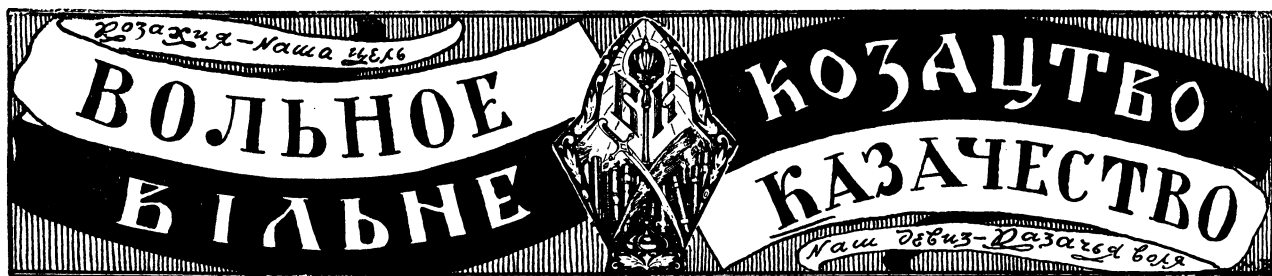
Н. Егоров. Лом, ул. Царь Асенъ, 20.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ:

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff) 21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine 2287 Columbus R-d, Cleveland, Ohio (U. S. A.).

— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор И. А. Бильный.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchécoslovaquie.

№ 80

Воскресенье, 10 мая, 1931 — Неделя, 10 травня, 1931.

№ 80

И. М. Назаров. (Княжевац).

С О Н.

Посв. И. А. Б.

Моей тоске порой предела нет,
Изгнание кроет мир зловещей пеленою,
В нависшей тьме безрадостный рассвет
И крадется, как тигр, отчаянье за мною.
И я не шел бы в даль... Не нес бы гнет могил
Разбитых грез в пути их млечном.
Все сбросил бы в одном порыве сил,
Чтоб все забыть в забвеньи вечном...
Но есть одна мечта, один прекрасный сон:
Что будет день и он придет, великий,
Он позовет на бой в степной туман, где Дон
Течет и где без края — дикий
Простор степей... По берегам реки —
Серебряный ковыль с отливом медной брони,
По ковылю бегут оседланные кони
С кургана на курган и строятся в полки.
А вот их всадники... Со всех сторон их строй —

Они спешат со всей земли в родную
Донскую степь, чтоб дать последний бой
На жизнь и смерть... И сходятся вплотную
Две рати там: одна — зарыта в рвах,
Вся пешая, вся серая, земная.
Другая — конная на белых скакунах
Открыто в рост несется, наступая...
И начат бой... И начат смертный бой...

В крови текли седые волны Дона,
Курганы плакали по крови огневой...
Но, дрогнул фронт кровавого Дракона
И знамя всадников развилось в вышине,
В его полках зажглась победы слава...

Так грянет бой — я верю — не во сне,
И будет создана Свободная Держава...
... Вот почему я жду. Наперекор судьбе, —
Не рву цепей моей гнетущей жизни...
Я верю, что старик, поющий об отчизне, —
Он должен жить для песен о борьбе.

Санжа Балыков. (Прага).

Чужой Бог.

Бывает в году одна ночь, когда в предполночный час молчаливые погонщики в черных одеяниях, щелкая длинейшими кнутами, гонят на запад бесчисленный гурт всех „шести видов“ земных существ.

За ними, на громадном вороном „аранзале“, под черным шелковым балдахином, поддерживаемым четырьмя слугами, озаренный светом факелов едет седобородый, божественно величавый старик. Это уходит старый год. Он гонит пред собой души своих жертв. Страшен этот старый год в последний час своей власти. Всех встречающих он умерщвляет и души их к гургу присоединяет.

Через час, в снежно-белом одеянии, на белом коне, придет с востока новый год. Только час один проходит после ухода старого и до прихода нового. И в этот безначальный час, миллионы нечистых сил выходят из своих логовищ-невидимок и, крыльями развевая фалды черных покрывал, кружатся в дьявольском танце. Вихревой ветер начинает дуть, подымается „слепой“ буран, всё вокруг визжит, трещит и скрежешет... Дьяволы царят на земле в этот полночный час. Никакое дело не удастся в эту ночь.

Бушует буран по замершей степи. Непробудно спит Бокшурганский аймак; спит и его „хурул“. Стоголоса завывая на струнах ветра, оснеженной громадой высятся во мраке большой дом Менько-Ламы. Вокруг, едва различимые в пяти шагах, скрипя закрытыми ставнями, разбросались маленькие домики гелюнов.

Только один человек не может спать в эту ночь. Не смыкая очей, он должен бороться с наводнениями нечистых сил, защищая грешных мирян. Святой Менько-Лама служит долгий молебен в тяжкий час мира. Тихо мерцает лампада перед золотой статуей Будды; в просторной, мертвенно-тихой комнате царит полумрак и нежно пахнет шафраном. На мягкой подушечке из красной сафьяновой кожи, по буддийски сложив ноги, накрывшись желтым парчевым священным одеянием, закрыв глаза, как мертвец побледнев от внутреннего напряжения, молитвенно сведя руки с худыми, длинными пальцами, окаменело застыл Лама. Только по беззвучно шевелящимся губам, да по мелким капелькам пота, выступившим на висках, видно, что он жив.

Через полчаса придет новый год. Еще полчаса борьбы и придет милосердный новый год и Лама нач-

нет новую молитву, молитву встречи. Вот бесшумно отворилась дверь. Мягко, неслышно ступая босыми ногами по бухарским коврам, вошел маленький, белолицый, дежурный манджик из передней и, дождавшись, чтобы заатаивший дыхание Лама перевел дух, робко доложил: „Ламин зергесе“ — к наружным дверям человек пробует ключи...

На пергаментном, костлявом лице Ламы не дернулась и жилка, не раскрылись даже веки закрытых глаз; только пальцем указал он манджику место возле себя. Только окончив длинную, напряженную молитву, когда грозный старый год, жадный в свой последний час, канул в вечность с своими жертвами, а новый вступил во владение миром, открыл он глаза и грустно сказал: „Иди манджи спать, они ушли“ и опять погрузился в молитву-заступницу за мирян перед духом нового года.

— Подсудимый Яков Матузков! громко вызвал судья, играя правой рукой судейской цепочкой и, через стекла очков, окидывая взглядом скамью подсудимых.

Из трех человек подсудимых поднялся громадного роста, сутулый, курносый, с веснушчатым лицом мужик, с целой копной перепутанных рыжих волос на большой голове и басом отвечал:

— Я!..

— Первого мая сего года, в 11 часов ночи, вы пришли к старшему полицейскому стражнику слободы Мартыновки Василию Белязеву, признались ему в совершенных вами и вашими товарищами преступлениях и просили вас арестовать. Это правда? — спросил судья.

— Так тошно, доподлинно верно, господин судья, дозволейте рассказать...

— Подождите, Матузков. На другой день, по вашему же показанию, как причастные к тем же делам, были арестованы: крестьянин временного поселения на юрте Денисовской станицы — Ряски — Сидор Савельчук и крестьянин временного поселения на юрте той же станицы — Гарбузовки — Арсентий Михайлов...

— Верно, господин судья, — отвечал Матузков.

— Теперь расскажите суду о ваших делах, все подробно, по порядку, не волнуйтесь, не спешите, — сказал судья.

Яков Матузков кашлянул, встряхнул могучими плечами, точно сбрасывая тяжесть и, заметно волнуясь, хрипло начал:

— Господи Иисусе Христе, сыне Боже наш... (подсудимый широко и медленно перекрестился). Господа судьи, присяжные старики и вы, честной народ!.. грешен я, и во всем виноват; каюсь я, как перед Истинным, судя меня судом божеским и людским... Скоро год будет, как пришел тогда этот Мирон Гвоздев, постояльцем у меня стал, говорил из Москвы он родом. Вот он самый, за один месяц, из человека душегуба меня сделал. Уговорил ездить с ним, пограбить богатых калмыков по соседним станицам и хуторам и стать богачами. Я и соблазнился. Потом с'ездил он в Ряску, неделю-две там побыл и Сидора, значит, там примолвил, а в Гарбузовом — Арсентия и Данилу. И собралась нас шайка в пять человек. Мирон, навроде атамана у нас стал; убить нас любого мог. Я был у них, как-бы, заведущий подводчик, потому у меня пара лошадей и бричка. Вот поехали мы осенью на первое наше злодейство. А только тут главная вина на меня падает, потому я этого калмыка им указал, потому как служил у него три года работником и знал про богатость. Ночь выдалась темная, (постепенно рассказчик успокоился и начал связно говорить) что в двух шагах ничего не разглядеть. До полночи еще под'ехали к хутору Боглаеву. А двор того калмыка был отдельно от хутора, с краю и в балке. Я должен был при подводе оставаться, да ребята решили, что мне надо идти, потому как меня их собаки знали и хозяин мог мне дверь без шума отворить. Ну, все так и вышло. Собаки было кинулись, а когда я подал голос и назвал их, то они стали ластиться. Сын его с молодой женой жили в землянке во дворе, у их дверей оставили Арсентия с ломом, а сами — я, Мирон, Сидор — пошли к дому, а Данило остался при подводе. Постучал я это в дверь, слышу — вышел сам хозяин и спрашивает из за двери по калмыц-

ки — кто, мол, я такой. „Джудьджуха Мангатыч — говорю ему — пусти переночевать, поздно ехал домой и к тебе заехал, я — Яков“. „А!.. Яков, здоров бул, здоров бул, пожалста ночуй“ — отвечал он, открывая дверь. Только это он открыл дверь, а Сидор и хватил его по голове ломом... И не охнул старик. Хороший был человек.

Мужик опустил голову и сильно вздохнул, очевидно вновь переживая картину, потом покачал головой и продолжал:

— Когда пошли дальше, у бабки уже горела лампа. Увидев Мирона с револьвером, она зачала кричать. Тут Арсентий полоснул ее ножом по горлу. На крик матери выбежала дочь. Уже большая, невестой была, и как закричит: „Яков!.. что делаешь!“ Ну, у меня рассудок и помутился, хотел я и ее пырнуть скорее ножом, да Мирон мою руку отвел. „А кто — говорит — деньги нам укажет?“ Ну, стали ее спрашивать про деньги. Ничего не говорит девка, словно рыба. Стали ее подкалывать кончиком ножа, мучить, чтобы выпытать. Молчит от боли. Долго над ней так возились. Под конец, когда уже она зачала от истечения крови сомлеть, Мирон догадался: „Ежели — говорит — не скажешь, где деньги, то пойдем в землянку и уьем твоего брата с женой!“ Девка сейчас же указала. Тут уж прикончили мы ее, узяли деньги и вышли. Все гладко прошло. Никто про нас и не подумал. А денег потом насчитали много; богатый был хозяин; были сальные бумажки, было и золото. Дал нам Мирон по тыщи рублей, а остальное забрал себе. Ну, нам и того было довольно, потому тыщи рублей это деньги. Начали молчаком жить и хозяйковать. Думали — хоть и загубили душу, да не даром. Ан не тут-то было. Поехал Мирон куда-то на целый месяц або два, и вернулся без копейки и начал на другое нас подбивать. „Тут — говорил он — такой край, что каждый день можно грабить, а у меня уже деньги кончились“. Да на этот раз он задумал вовсе новое дело. Узнал он, что у калмыков есть богатый Лама, и денег в банок не отвозит, а держит у себя. Так вот он удумал ограбить этого Ламу.

— Как же, говорю, Мирон, это возможно, лицо — говорю — духовное, хоть и другой веры, он, говорю, у них, как-бы святой, вроде архиерея нашего, нешто можно его трогать?

— Дурак, отрезал Мирон, нешто он православный христианин, нешто у них могут святые быть, басурманы же ведь, а ты — грех!.. Чужой Бог нам не указ.

Ну, мы и сдались ему, так и порешили — к Ламе калмыцкому наведатца. Мирон, чтобы все доподлинно разузнать послал Арсентия в станицу, покрутитца там промеж калмыков, якобы работы ищет, а тайком все вынюхивать. Был там Арсентий целый месяц, бывал у хуруле ихнем, где Лама самый живет, был кучером у одного попа, гелюна, по ихнему, да и вернулся... Вернулся и доложил, мол, ограбить Ламу — пустяковое дело, никто его не охраняет, а денег прямо сто тыщев. Говорит надо как раз в „черную ночь“, когда по их вере, старый год уходит и заступает новый. В ту ночь никто не выходит на двор. Так и порешили. Дождались этого дня и к ночи выехали. Все пошло ладно. Мяталица такая ночью поднялась, что ртов не раскрыть; сверху идет; ветер крутит; погода самый раз: следов никаких не будет. Под'ехали к хурулу. Я остался при конях, готовый сию на бричке, а они пошли. Как будто не долго я и ждал, а только вижу — идут трое и что-то несут. Неужто столько денег — думаю — набрали, а они подходят и кладут мертвеца на воз, сами садятся и говорят — гони Яков, не повезло! Вижу, что дело табак, я и погнал коней... А дело-то оказывается вот как обернулось: сперва зашли наши в сарай, постояли там, а потом Мирон пошел к дверям пробовать ключи (у него целая сумка их была), а те стоят и тихонько перешептываются у двери сарая. Один ключ Мирон подобрал, дверь открыл и пошел к товарищам, чтобы начать орудовать. А те значит, чи не ожидали его так скоро, чи шо, а только как показался он у дверей неожиданно, Данила и хватил его ломом по голове. Ну, башку и разможил, как арбуз. А потом, как ошупали, присветили серничком, да и увидели, что ухлопа-

ли-то своего атамана. Так дело и кончилось ничем. Мирона спустили под лед в Сал и раз'ехались по домам. Родных у упокойника не было, спрашивать некому, человек заезжий. Весной на пахоту выехал, успокоился, но дело-то этим не кончилось. Стал Арсентий нас подбивать — снова поехать к Ламе. Плевое дело — говорил он — теперь у нас не выйдет по дурачки, ну, поедем и поедем. Мы и поехали... Только и на этот раз вышло так, что Данилу трупом пришлось обратно везти. Пошли на этот раз все сразу к дверям, чтобы ломать, ключей-то Мироновых уже не было, тогда еще они остались на месте убийства, а при конях оставили Данилу. Ночь была темнущая, дело — весной, после пахоты, тепло. Подошли энто мы к дверям и начали ломом высаживать дверь, чтобы потише было, а она не поддается. Копаемся мы энто, вдруг, как обернуться я — человек в длинном прямо ко мне подходит. „Гелюн“ — мелькнуло в мозгу; я и крикнул его шворнем по голове. Пощупали его, а он — наш Данила. Тут всех нас страх и взял. Бросились мы бежать к подводе, было — меня не бросили. Всю ночь и день целый ломал я голову над этим делом, а ночью вто-

рого дня пошел я к стражнику. Понял я, что есть Бог, который один и для калмыка и для христьян. Все Боги наказывают зло и ничью кровь даром нельзя лить. Вот я и решил тогда признаться и на Арсентия и Сидора указать, чтобы и они искупили грех свой перед Господом за душегубства. Виноват я, господа судьи, и нечево меня жалеть. Больше я ничего не имею доложить.

Подсудимый глубоко вздохнул, рукавом оттер пот с лица и устало опустил на скамью. В переполненном зале суда царило напряженное молчание. Рассказ мужика ошеломил всех. Только невозмутимый судья продолжал:

— Подсудимый Сидор Савельчук, что вы можете сказать по этому делу?

— Я ничего не скажу, а только Яков все правильно доложил, как все оно было.

— А вы, Арсентий Михайлов?

— Виноваты мы, господа, все доточности так было.

После кратких формальностей, присяжные ушли на совещание.

Я. Рудик. (Прага).

* * *

Хтось простяг з блакиті руки золоті,
Розстила килими смарагдові скрізь.
Вже сяють ранком діаманти сліз;
Задзвеніла пісня в синій висоті.

Закопали б в землю руки із висот, —
Не носив би в грудях тугу навісну.
Проведу в дорогу без жалю весну, —
Не загоє рани чарами красот!

29-IV-1931.

Алексей Персидсков.
(Братислава).

ВЕСНА.

Меня опять весна улыбкой обдарила
И светлую надежду возродила вновь.
Бьет снова жилами расплавленная сила,
Гнездится в сердце крепкая любовь.
Прощай, зима! под солнцем все сторает...
Ты отснежила и тебя уж нет:
Струится окнами и зайчиком играет
В зеркалах отраженный свет.

16-III-1931 г.

Вадим Курганский. (Белград).

На Туреччину...

Свистел ветер в снастях, жалобно и назойливо — у-у-у-у!.. Бежали мимо урчащие волны, носы „чаек“ мерно вздымались и опускались... Раз — и открывалась перед глазами далекая ширь темно-синего моря, с разбросанными белыми пятнами барашек... Два — и острый, режущий волны нос взлетал вверх, к голубому, тоже с белыми пятнами — облаков, небу... И снова — раз-два, раз-два...

Паруса вздувались упругими полушариями; как резиновые прыгали по волнам, накрываясь на бок, легкие чайки... Позади таял, удаляясь, берег, озаряемый косыми лучами только что взошедшего солнца...

На чайках угрюмо молчали... Не звучали лихие запорожские песни, не слышалось удалых выкриков молодежи. Угрюмо сидели вдоль бортов, только изредка оборачивался кто нибудь назад, бросал долгий взгляд на исчезающий берег и снова с тяжелым вздохом поворачивался.

На Туреччину!..

Прощай Січ — рідна!.. Надолго.. навеки быть может прощаются с Тобою, Тобою вскормленные сыны... Зруйновали!..

За службу верную, за борьбу нещадную, на все стороны, одни без союзников и без помощи — сотни против тысяч, за войну вечную, за жертвы безмерные...

У-у-у-у — заливался ветер...

Вставало в памяти:

Глухо шумит стоголосым шумом большая Сичевая площадь... В середине — возле литавр — старшина — кошевой, с понуренной головой, растерянный писарь, судья, куренные... А вокруг — сплошное, волнующееся море чубатых голов, сжатых кулаков, обнаженных сабель, раз'яренных и растерянных лиц... Дальше — низкие строения куреней, земляной вал, серебристая лента Днестра, а еще дальше — шеренги зеленых мундиров, щетина штыков, черные провалы пушечных жерл, дымки фителей в утреннем воздухе...

Зруйновали!.. Эх — в сабли б принять, раскрошить, разметать по сторонам. Да ведь знали, что делали — ночью, тайком оцепили Родимую со всех сторон... На одного казака мал-мало 20 солдат пришлось... а пушки?..

Мерно вздымались чайки, прыгали по волнам. Вперед на Туреччину, под руку султана турецкого — хоть нехристь, да понимает.

Как ни зорко глядели московские очи — да вот проглядели... Если б все твердо на одно сошлись — любовались бы сейчас москали на пустые курени, с одними жидами-торговцами... Да ведь страшно, страшно идти на чужбину...

Ветер все усиливался, гнал вперед чайки... Исчезал вдали берег... Прощай Мать, прощай Січ — Рідна!..

На Туреччину!..

Оксана Печеніг. (Болгарія).

С Т Е П.

Не проклинай нас, батьку-степ,
 І ти, велебна туго-мати!
 Вже ув останне вам чолом, —
 Вже нам значиться путь ганебна...
 Печуть живі у грудях рани;
 Річками сила відійшла...
 В руках наш меч зігнувсь кривавий,
 Все тихше, тихше серце б'є...
 Вікам закони пишуть сильні —
 Не сила нам — не правда наша...
 А дух нездоланий горить:
 Смертельний сон з очей прогонить...
 Ми в край дороги не дійшли —
 Але...
 Паде майбутнього заслона:
 Гей, з степу лона знов сини
 Ідуть рвучкі на перемогу!
 Навколо обрїй обрива,
 Жене незбутність в доли-гори...
 Як що не ми — сини врівень богам
 Світам здиктують нашу волю...

Гарун Дальвей-Бей. (Югославия).

Э Л Е Г И Я.

И когда уснули мальвы красные
 И потухли огоньки в дали,
 Чьи то шорохи неясные
 Чутко улицей прошли.
 Зашептались там они, незримые,
 Где то в темных уголках, —
 Едва ухом уловимые, —
 В Божьих замерли руках...
 А вдали над хатой самой бедною,
 Где о горах снятся сны,
 Подымается тарелкой медною
 Лик мигающий луны...
 Поднялся с таинственной усмешкою
 И мигает, как противный гном,
 — „Что им нужно с этой вечной спешкою,
 С этим утомленным сном...“
 Всюду здесь безлюдие забытое,
 Лишь над старой крышей ветряка
 Сыч кричит свои слова сердитые
 Над сторожкой старика.

Вместо полемики.

В. К. приняло программу Казакии, т. е. самостоятельного Союзного Казачьего Государства, или иначе — федерации Казачьих Земель. Это значит, что Казакия, по мысли В. К., своим государственным строем была бы, в общем, подобна государственному строю Северо-Американских Соединенных Штатов. Сходство здесь, конечно, только формальное, т. к. Казачество в рамки федерации Казачьих Республик вложит, несомненно, свое содержание. Бесспорно также, что независимое Казачье Государство, базируясь на всем своем населении, в своей политической (административной) и социальной организации будет преследовать интересы всего своего населения, отвергая классовую организацию государства. При политической активности населения, демократический принцип достаточно удовлетворительно защищает интересы каждой составной части общества, не закрывая возможности государству создавать гармоническое сотрудничество всех элементов населения страны в настоящем и хорошо думать о будущем.

Когда и каким бы путем ни произошло освобождение, произойдет оно в условиях не легких, — наследство и обстановка будут тяжелы. Одно можно только сказать, что трудностей будет тем больше, чем позже придет час освобождения. Подчеркиваем это затем, чтобы казаки не заблуждались на счет завтрашнего дня. И еще одну оговорку мы бы здесь сделали — „для ясности“, т. к. считаем, что в интересах казачьего дела в целом, надо теперь уже ставить все точки над и. Мы совсем не будем преувеличивать, если скажем, что труд-

ностей первого времени после освобождения на другие плечи переложить не удастся. Противники казачьей самостоятельности любят всегда страшить казаков именно на этом месте. Мы должны будем разочаровать и тех, кто им, нашим противникам, поверит, и тех из самих противников, которые сами искренно этому верят. Мы уже говорили когда то, что в случае, если Казачество останется в составе той неизвестной пока России, которая придет на смену теперешнему СССР, „платежи“ его по счетам ликвидации русской революции будут никак не легче нынешних платежей самой революции. Русские себя не обидят, а „вину“ за Казачеством найти сумеют, — были же „виноваты“ казаки у Временного Правительства, были „виноваты“ у Деникина, были и есть „виноваты“ у большевиков, будут „виноваты“ у будущих Керенских и Милюковых, если в России будет демократия, или у Миллеров и Кириллов, если в Москве сядет снова царь. Но больше всего „виноваты“ будут казаки в этом последнем случае у русского мужика, который такой „вины“ не забудет и до следующей революции... Мы еще раз настойчиво повторяем: самая дорогая самостоятельность будет все же дешевле Казачеству не только теперешнего большевицкого ига, но и всякой другой русской опеки. К этим вопросам, что будет дороже или выгоднее для Казачества — самостоятельность или автономия (или федерация) в составе России, — мы еще вернемся.

Программа В. К. встретила разный прием. Казачество мыслящее, ищущее решения ка-

зачьего вопроса под углом зрения казачьих интересов, программу В. К. приняло.

Решительно высказались против В. К. все русские политические течения. Для них вообще казачьего вопроса в нашем его понимании не существует. Они сейчас против В. К. потому, что и всегда будут против всякого решения казачьего вопроса в пользу Казачества. Они, русские, даже не аргументируют своего к нам отношения, заменяя доводы „иронией“ или простым отрицанием („нет“!). Мы имеем все основания утверждать, что даже те русские люди или партии, которые сейчас допускают возможность существования казачьего вопроса (но только как вопроса исключительно „внутренне русского“), и те отписываются общими фразами, с плохо скрываемым намерением не исполнить никаких своих обещаний в адрес казаков, ибо для всех них — прежде всего интересы „целого“ — России. А раз интересы России будут требовать ликвидации казачьего вопроса, то — дело ясное — сделают то, чего будут требовать эти „общеевропейские“ интересы. Сейчас, ведь, тоже интересы Советской империи требуют ликвидации Казачества и требование это исполняется, не спрашивая и не считаясь ни в какой мере с самим Казачеством.

Заметьте: по своей инициативе еще ни одна современная русская политическая группировка казачьего вопроса не затрагивала, а только в полемике, как ответ на ту или иную постановку его казаками.

В последнее время лавры противников идеи Казакии не дают покоя некоторым (подчеркиваем это — некоторым) украинцам из „Тризуба“ или, вернее, некоторым неудачным в прошлом бывшим кубанским министрам, „странствующим“ за границей от одной украинской группировки к другой и ныне нашедшим приют в „Тризубе“. „Тризуб“ устами разных кубанских Сагардинских (псевдоним) тоже не аргументирует своего отрицания программы В. К., заменяя аргументацию попытками дискредитации или „глузування“. Так как еще недавно сам „Тризуб“ выражал большое „недовольство“ по поводу аналогичного к себе отношения русских, то мы сами в такую же „полемику“ с „Тризубом“ вступать не будем, в предположении, что в создающейся „обстановке“ читатели „Тризуба“ разберутся хорошо и сами.

Среди самих казаков противниками программы В. К. выступили те казачьи единадцатилетние круги, которые до сих пор еще формально возглавляются ген. Богаевским, а идеологом и публичным трибуном которых является председатель „Казачьего Союза“ в Париже г. Мельников. Эти круги казачьей эмиграции — вообще против всякой казачьей самостоятельности.

Но в последнее время появилась еще одна казачья группировка (донская) — „Лига Возрождения Казачества“, — называющая себя самостоятельной, но не приемлющая идеи Казакии. „Л. В. К.“ признает существование отдельных самостоятельных казачьих республик, но одно-

временно допускает и возможность сговора с будущей Россией (самостоятельность „впредь до“).

Объективно, такая постановка вопроса приемлема и той кубанской группировке из „Кубанского Края“, которая сотрудничает ныне с „Тризубом“ для борьбы против нашей программы и, по тактическим соображениям, говорит иногда в пользу кубанской самостоятельности, допуская в будущем включение Кубани в состав Украины.

Все это говорит за то, что не раз еще придется ставить Казачеству основной вопрос программы Вольного Казачества — вопрос казакии. Противники Вольного Казачества из казачьих же „самостийников“ (по сути — самостийников только „тактических“, временных) хотят оставить за собою в будущем некоторую свободу „маневрирования“ и „игры“ с отдельными казачьими республиками в пользу некоего „целого“, а мы — В. К. — хотим всерьез строить Казакию — казачье государство, консолидированное внутри и сильное во вне.

Предоставим нашим противникам искать и впредь аргументы против программы В. К., ибо до сих пор все аргументы их против идеи Казакии для нас являлись аргументами за.

Интересно подчеркнуть, между прочим, что аргументируют отрицание Казакии только казаки. Так, напр., совсем недавно генеральный секретарь „Казачьего Союза“ проф. А. Марков выступил со второй своей статьей в „Посл. Новостях“ (28 апреля) — „Казачьи думы“, — которой мы здесь и коснемся несколько более подробно.

Проф. А. Марков весьма недоволен тем, что для самостийников „работа большевиков“ является „аргументацией“ не только против большевиков, но и против всякого рода „москалей“. Ну, хорошо, — а кто же такие большевики и на кого они опираются? — Большевики, напр., колонизируют сейчас Казачьи Земли. Но, кто же идет туда? — Идут русские крестьяне из „более густо населенных областей Европейской России“, и вместе со своей властью выселяют (или расстреливают) казаков на свой север на принудительные работы, забирают казачий жилой и мертвый инвентарь, селятся в готовые казачьи хаты и присваивают себе казачью землю (грабят „законным“ путем!). Это делают, ведь, не коммунисты! Русский крестьянин в полной мере использует соввласть для захвата казачьих территорий, не останавливаясь ни перед каким террором для создания на казачьей земле своего „большинства“. Ведь, если бы русский мужик не шел селиться на казачью землю, коммунист бы сам там не сел. Совершенно правильно: „разорение казачьих краев большевизмом есть продолжение старой русской политики эксплуатации казачества“... Кто знает историю, тот знает, что это правда. Г. Марков подсовывает нам, далее, другие „выводы“, а именно, что „надо стремиться к ликвидации большевизма“ (читай: в России); „надо создать для казаков такое государственное положение, при котором

повторение ошибок царской власти было бы невозможным"; „для этого достаточно установить для всей страны более совершенный государственный порядок"... Проф. Марков не говорит только, что двенадцать лет тому назад он и его единомышленники „водили“ уже казаков для установления в России „совершенного государственного порядка“ и что советская власть руками русского мужика побила таких „предпринимателей“. Побила именно за то, что шли решать дела всероссийские (советская власть в начале 1919 г. предлагала казакам такой же мир, как латышам и эстонцам, но Богаевским и Филимоновым хотелось непременно сыграть еще раз роль Межаковых в XX ст.).

Не знаем, зачем проф. Марков „наивничает“: „Необходимо иметь в виду, что казачество не может и не должно отказываться от своих законодательных учреждений (В. Круга и Казачьих Рад)"... Мы категорически утверждаем, что подлинно свои Законодательные Учреждения Казачество будет иметь только в случае осуществления программы самостийности. Если Казачьи Земли останутся в составе России, то решать о том, будут или не будут в Казачьих Краях свои Круги и Рады, будут не казаки. Казаки получают то, что им дадут и сколько дадут. А могут и совсем не дать, что вероятнее всего.

Совершенно уж несерьезна „угроза“ проф. Маркова о том, что „самостийническая программа потребует восстановления военной службы исключительно за счет казачества“ и „потребует огромных расходов на создание всего правительственного (для самостоятельного государства) аппарата“. — И служба будет и „расходы“ будут — все равно, будут ли казаки самостоятельны или останутся в составе России. Налоги платить вообще будут. Служить будут — на „свой счет“ или на „государственный“, но — в обоих случаях на свой. Если будут служить на свой счет, налоги будут меньшие, если будут служить на счет государства, налоги будут большие. Разница между самостийностью и не самостийностью в данном случае будет та, что в случае, если Казачество останется в составе России, условия службы, „счет“ и размеры налогов (на покрытие расходов по содержанию казаков на военной службе, если они будут служить за „счет государства“) будут определять для казаков не казаки в Москве или Петербурге, а если будет Казакия, то все эти вопросы будут решать казаки сами. В первом случае казаки будут служить снова кому то, а во втором — себе. В первом случае всеми материальными ресурсами Казачьих Земель будут распоряжаться русские в интересах „целого“, во втором — само население Казачьих Земель в интересах своих же.

„Нельзя и преступно вести Казачество по такому пути, который в будущем неизбежно связан с тяжелыми столкновениями, с новым разорением разоренных казачьих краев“ — „предостерегает“ г. Марков. Но, спросим мы в свою очередь господ Марковых, разве связь с Россией гарантирует Казачьи Края от „тяже-

лых столкновений“ и от „новых разорений“? Разве могут быть большие „столкновения“ и большие „разорения“, чем сейчас в составе сов. России? А в прошлом — при Петре, при Екатерине? А кто бы поручился за будущее? — Поэтому — еще раз — „нельзя и преступно вести Казачество“ по пути Марковых, „который в будущем неизбежно связан с тяжелыми столкновениями“ и „с новым разорением разоренных казачьих Краев“. „Надо искать здорового разрешения вопроса и это разрешение можно найти только на пути сохранения за казаками права иметь свои Законодательные... Учреждения“, т. е. на пути самостоятельности.

Можем заверить гг. Марковых и в том, что мы прекрасно понимаем, что „создание Казакии потребует от разоренного Казачества не только материальных жертв, но, может быть, и крови“. Но так же бесспорно, что оставление Казачьих Земель в составе настоящей или будущей России требует и потребует от обескровленного и разоренного Казачества еще больших материальных жертв и больше крови. И все это — на алтарь современных чужих экспериментов или потом — на восстановление разоренной экспериментами центральной России. Будьте покойны, гг. Марковы, Казачьи Края в составе будущей России попали бы на последнее место в будущей „пятилетке“ по приведению в порядок наследства русской революции. Если уж суждено Казачеству нести жертвы, то пусть оно само устанавливает и их размер и несет их в свою пользу и на благо своей Земли.

Не имеет никакой цены, с нашей точки зрения, и „апелляция“ профессора-экономиста к будущим „хозяйственным проблемам“ Казачьих Земель. Опять таки, при осуществлении единовременной программы единомышленников Маркова, хозяйственными проблемами Казачьих Краев будет заниматься не население их, а „Центр“ и, конечно, в своих интересах. И если проф. Марков не отрицает, что „Казачьи Края и по своей территории, и по количеству населения, и по естественным богатствам могут быть самостоятельным государством“, то мы самым настойчивым образом подчекиваем, что только самостоятельность гарантирует им „богатое хозяйственное будущее“.

Мы остановились на всех основных возражениях проф. Маркова и можем еще раз засвидетельствовать, что все его аргументы против Казакии так же прекрасно говорят и за. Это потому, что доказать такое желание, как нежелание казачьей самостийности, нельзя. Дело здесь не в доказательствах, а в нашей воле и нашем сознании. Кто хочет самостийности, тот найдет свои аргументы за; кто самостийности не хочет, тот найдет свои аргументы против. Но, единственным и решающим за или против в этом вопросе всегда останется воля непосредственно заинтересованных. Если г. Марков захочет проверить это наше утверждение, пусть предложит первому встречному французу доказать необходимость самостоятельного существо-

вания Франции. Мы уверены, что тот француз не докажет такой необходимости (если захочет доказывать) тому, кто не будет хотеть французской самостоятельности.

Как видим, враги в. к. программы воюют с нами разными средствами и разными аргументами. Одни борются вообще против самостоятельности открыто. Другие нападают, особенно казаки „не казачьего толка“, на самую идею Казаккии. Им, не менее действительным противникам

В.К., чем и Богаевские — Марковы, кажется, что с самостоятельностью отдельных казачьих республик они смогут справиться в будущем (в интересах своей программы) гораздо легче, чем с целой Казаккией — Союзным Казачьим Государством.

Мы же на это ответим только большим сплочением своих сил и рядов около своей программы.

В. Куртин.

S. O. S.

... Не из родных уж Земель, но из окраин „Общей Родины“ доносятся до нас отчаянные вопли, последние призывы:

Спасите души наши!

Спасите души, ибо все наследственные и приобретенные земные блага уже погибли...

Спасите души, ибо тело уж растерзано...

Растерзано живое казачье тело и подло, по шакальи, растаскано по гиблым окраинам „великой СССР'ии“. Растерзано тело —

Спасите души наши!..

Три слова. Три страшных слова доносятся до нас, живущих в эмиграции. И другого голоса оттуда уж не слышно.

Кратко, как краток предсмертный крик. Категорически и ясно, как ясна и безапелляционна смерть.

И потому — S.O.S. — спасите души наши, понятно всем народам мира. И потому, услышавшие этот зов, к каким бы нациям и верам они ни принадлежали, спешат —

Спасти души.

Не рассуждают для чего, едино — как.

Ни каковы зовущие сейчас, ни каковы будут потом; едино зная, что если не спасут сейчас — зовущих уж не будет.

Никаких. И — никогда.

Ибо, не спасенные по зову S.O.S., не воскресают...

Оттуда шлют последний зов. Последний S.O.S.

Спасите Казачество!

Ни красное, ни белое, ни служилое, ни сословное... Просто:

Казачество. Душу.

Ибо там не до анализа роскоммунистических партий и их „отношений“ к Казачеству. Не до определения своих будущих положений в „ней“. Ибо и зовут то они нас оттуда спасти Казачество как раз от нынешних „отношений“ и будущих „положений в ней“!..

Души спасти!

Спасти казачий народ. Ибо он погибает как таковой. И только за то, что, как таковой, по решенью совроссийского правительства —

Подлежит истреблению.

Как нечто совершенно не уместное в доме рабов с народом рабом...

Смерть не знает условий. Она единственна и абсолютна. Предсмертный S.O.S. — бескомпромиссен: или — спасенье, или — смерть. Такое же бескомпромиссное решенье должно быть и у тех, к кому о помощи взывают:

Спасти Казачество.

Иначе — смерть...

Спасти не „часть“ теперешней или будущей России и не абстрактное „сословие“, но живой, вольнолюбивый и культурный народ, который только тем и виновен, что еще жив. И имел несчастье — не отстоять себя от более сильного физического народа. И потому, только тогда, когда физически будет уничтожен казачий народ, не станет и теоретического „казачьего вопроса“...

И неужели-же такого простого „решения“ казачьего вопроса не понимают те из казаков, что отмежевывают себя от вольно-казачьего движения, или отделяются „нейтральностью“, заняв выжидательную позицию?.. Неужели же у них не говорит их голос крови, и они не слышат отчаянных призывов: S.O.S. —

Спасите Казачество?!

И неужели-же они серьезно не видят, что вся идеологическая и практическая работа Вольных Казаков есть отклик на последний S.O.S. Казачества?.. Кратчайший и единый путь к его спасению!..

Ведь все новшество Вольных Казаков лишь в том, что они от общеказачьих дум перешли к слову и делу, что открыто и ясно сказали то, что — будем искренни — большинство казаков думают, что вывели Казачество из того невыносимого двойственного положения, в котором обреталось оно от времени утраты независимости до 17 года... Что призывают прежде всего спасти голову, а не прическу.

Спасти Казачество таковым, каковым оно по своей природе есть:

Вольным и Независимым.

А не таковым, каковым его благоугодно было видеть другим. Каковым его будут видеть другие... Ибо это не Казачество. Не голова, а прическа...

Ни с формальной стороны никакой „отсебятины“ они не дали. Но, строя свою хату, пользовались готовым уже материалом... А самый „Символ Веры“ вольных казаков — лишь „Цареградская Санкция“ догм, принятых „Никейскими Соборами“ — Радой и Кругами.

Все казачьи группировки, как и отдельные лица, в эмиграции должны договариваться лишь о средствах, с какими нужно идти на выручку погибающего там Казачества, а не о путях, т. к. тут выбора нет:

или — или.

Или через В. К. к свободной, независимой Казаккии, или — мученическая смерть там, бесславное разложение здесь.. —

Еще доносится отчаянный крик:

Спасите души наши!

Спасите Казачество!

„Русская революция была сделана народом, вдруг вырвавшимся на волю после столетий однообразного, непреложного гнета и опьяневшего от вольного воздуха“...

Юниус. „Последние Новости“, 29 апреля 1931.

Павел Кудинов.

Восстание Верхне-Донцов в 1919 году.

(Исторический очерк).

(Продолжение).

Глава IV. Восстание.

Свыше 500 обезображенных трупов В.-донцов, замученных чекой в течении сорокадневного красного террора, были разбросаны по оврагам, по песчаной степи, в глуши кустарников, никем не посещаемые, никем не погребаемые. Эти мученики вопили о мщении за кровь, слезы женщин и детей, за сожженные хижинки, за честь священных символов, растоптанных в ногах сатанинской прихоти.

Комиссары, хотя и обезоружили казаков (под страхом смертной казни), но все таки казаки часть оружия припрятали „про черный день“. День этот близился. Возмущение и ненависть к разгулявшемуся террору росли. Тем временем чекисты приступили к учету награбленного, не замечая скрытого гнева народа. Казаки с особой осторожностью поддерживали непрерывную связь между хуторами и станицами, выжидая момент, чтобы отплатить красным убийцам, залившим кровью родной край.

Донская армия в декабре 1918 года, отступая к Новочеркасску, уничтожила железно-дорожные мосты: Лиски, Чертково, Миллерово, Донской Калач, Серебряково и т. д., чем заставила красных, впрямь до исправления последних, избрать сухопутные коммуникационные пути: 1) Ст. Калач — Воронежская губ., ст. Казанская, Миллерово. 2) Станция Серебряково, Усть-Медведица, Царицын, Большой, Горбаты, ст. Боковская, сл. Астахово и Миллерово, по которым тащились обозы с продуктами, боевыми припасами, и проходили эшелоны солдат для пополнения частей фронта, давая значительный отдых в станицах Казанской, Вешенской и Усть-Медведицкой.

Казаки хутора Шумилина (Казан. ст.), зорко наблюдая за передвижениями частей красного пополнения, в ночь под 26 февраля 1919 г. напали на сиящий карательный отряд, расположенный в том же хугоре. Комиссары были уничтожены. Истребив отряд грабителей в хут. Шумилине, доблестные шумилинцы с присоединившимися казаками ближайших хуторов, в конном строю помчались в ст. Казанскую, уничтожая по пути красных. В попутных же хуторах призывали казаков присоединиться и все, кто мог седлал коней и спешили к родной станице. Около пяти часов ночи под вой зимней вьюги конные повстанцы под командою подхорунжих и урядников окружили ст. Казанскую. Разбившись на группы и определив роль каждой, повстанцы в пешем строю бесшумно двинулись в центр станицы, „ликвидируя“ на месте патрули и часовых. Комиссары, предавшись сладкому сну после только что окончившегося танцевального вечера, состоявшегося в эту ночь, были разбужены и завывали в отчаянной тревоге. Солдаты карательного отряда, которых было 300 человек при 20 пулеметах, и эшелон около 1.000 штыков как раз шедший на пополнение фронта, бросились к оружию, но скоро обратились в бегство, укрываясь по дворам, в садах и темных углах станичных построек. Некоторые комиссары пробовали задержать бегущих солдат, но, увы! спасения нет, всюду повстанцы! всюду смерть! Стрельба, крики, стоны, неразборчивые команды звучали сквозь сумрак зимней ночи. Комиссары бросились к телефону, чтобы уведомить соседние станицы о вспыхнувшем восстании, но были перебиты повстанцами, занявшими почтовые и телеграфные станции. С наступлением рассвета 26 февраля еще продолжались частичные схватки, но к 10 часам дня побоище было окончено. По окончании боя, восставшими было захвачено: один миллион ружейных патронов, восемь орудий, несколько сот артиллерийских снарядов, винтовки, мотоциклы, 50 пулеметов и пр. предметы, которые были редкой ценностью для повстанцев.

Уничтожив красных в Казанской, восставшие, в количестве 250 человек, двинулись на станицу Мигулин-

скую, лежавшую в 12 верстах от Казанской, захватывая сторожевые пункты наблюдателей. Комиссары Мигулинского исполкома, не зная о восстании казаков в Казанской, то и дело звонили по телефону в Казанскую, спрашивая о положении, но восставшие неизменно отвечали: „Все спокойно!“

26 февраля, около 3 часов дня, на окраинах станицы Мигулинской послышалась редкая стрельба. Четыре конные сотни, подошедшие с хуторов — Дубровский, Варварин и Казанской, окружили станицу, наступая в центр и изредка открывали огонь из пулеметов. Комиссары встревоженные пулеметной стрельбой, да еще днем (так как они, обыкновенно, стреляли ночью), торопились узнать, что за стрельба? Узнают, что станица окружена восставшими казаками, которые оцепили все выходы.

Товарищи, спасайся! — крикнул комиссар исполкома. Красные московские люди, охваченные паникой, бросились в казачьи дворы, вымаливая спасения у тех, у которых только что выворачивали душу и карманы. С испуганными лицами бегали красные из улицы в улицу с целью выскользнуть из осажденной станицы, но всюду наткнулись на восставших, корчась в судорогах под острием штыка, шашек и прикладов.

Истребив Мигулинский гарнизон, освободив обреченных на смерть, казаки отдельными отрядами, под командой выборных командиров, двинулись вперед, занимая впереди лежащие хутора по станично, истребляя бродячие шайки красных. В ночь под 27 февраля конная сотня в составе 100 человек из казаков Солонковского, Решетовского и Чиганацкого хуторов, под командою подхорунжего Емельяна В. Ермакова выступила на Вешенскую с целью заставить врасплох окружной ревком и трибунал. Главари же комиссары Решетков, Рожков и др. пронюхали уже, что станицы Казанская и Мигулинская в руках восставших и что группа конных казаков наступает на Вешенскую со стороны реки Решетовки, в ту же ночь бежали в станицу Еланскую, оставив в занимаемых ими квартирах все ценности и даже личные вещи, не предупредивши об этом коменданта местного карательного отряда. Утром 27 февраля красный комендант округа, узнавши об исчезновении комиссара и чеки, сейчас же принял меры к обороне, для чего вызвал гарнизон, в котором насчитывалось 350 штыков при 12 пулеметах, и занял оборонительное положение. Ровно в 9 часов утра, 27 февраля, конница восставших казаков рассыпалась лавой и, прикрываясь песчаными буграми, таловыми кустарниками и бором молодой сосны, незаметно для противника окружила станицу с запада, севера и востока с расчетом, что разбитый противник бросится через Дон, где должен быть встречен Базковской восставшей группой.

Приблизившись к станице, восставшие открыли редкий ружейный огонь со всех окраин, делая демонстративные перебежки из улицы в улицу для того, чтобы не дать возможности противнику учесть силы наступающих. Красные, занявшие оборонительное положение, открыли ружейный и пулеметный огонь по всем исходящим улицам. Огонь с каждой минутой усиливался, шелкали винтовки, тархтели пулеметы, пули со свистом шелкали по крышам, камням, со звоном летели стекла окон. Испуганные жители забирались в погреба и подвалы. Полурота красных, при двух пулеметах, удерживала северозападную рошу для того, чтобы не дать возможности восставшим обойти станицу левым берегом Дона, но была сбита; отступая, оставили 2 пулемета. Комендант красного гарнизона, оказавшийся в опасном положении, командовал: „Товарищи, за мной!“ и все красные бросились в бегство через Дон; атакующие казаки из западной рещи и станицы расстреливали убегающих солдат перекрестным огнем. Нерешительность казаков Базковской группы, невыступив-

ших в условленное время, дала возможность красным укрыться в густой роще в займище.

Три главных станицы Верхне-Донского округа были очищены; необходимо было стремительным движением вперед уничтожить бегущие остатки красных и захватить военный склад в станице Каргиновской.

Конная группа восставших казаков, которая выбивала красных из Вешенской, будучи всю ночь в холодной степи, оказалась не в состоянии преследовать красных, измученные лошади и людям требовался хотя бы короткий отдых.

Того же 27 февраля была объявлена мобилизация и нарочные помчались с приказом по хуторам. Я же, учитывая цену связи и объединения, телефонограммой № 1 подчинил себе военные отряды станиц Казанской и Мигулинской и приказал формировать боевые отряды на местах властью командиров действующих частей; держа прочную связь с соседними частями и не забывая про взаимную выручку в бою. Правобережные хутора станицы Вешенской, до которых еще не докатился красный террор, на призыв восставших отвечали нерешительно.

Положение осложнялось; появившиеся темные силы — наемные рабы красных, повели усиленную агитацию, нашептывая казакам, что борьба с красной армией бесполезна. Я, не дожидаясь результатов объявленной мобилизации, приказал хорунжему Х. В. Ермакову немедленно организовать правобережный боевой отряд и ждать дальнейших указаний. Поддерживая боевой порыв авангардов, мне необходимо было выяснить окончательное решение тех казаков, которые объявили „нейтралитет“; я совместно с членами окружного и станичного советов Д. и Б., собрал публичное собрание на котором объяснил те последствия, которые ожидают нас за нерешительность и трусость и потребовал положительного ответа, при чем произнес краткую речь, такого приблизительно содержания:

„Братья казаки, умолкните и терпеливо выслушайте слова, которые я вам скажу во имя спасения многих. Разве позволительно трусить степному вольному народу перед красной ордой? Если мы будем договариваться и не выступим дружной семьей немедленно на поединок с красными палачами, то страшная участь постигнет не только тех, кто поднял оружие против насилия, но и тех, кто будет отговариваться своею непричастностью. Я вас не уговариваю, а приказываю, а приказываю потому, чтобы нам, родные братья, не быть перебитыми. там, в песчаной степи, где кости наших братьев и доселе грызут голодные псы. В другое время, при других условиях вы могли бы обвинять кого-либо другого за то, что нас толкнули на кровавое поле, а сейчас, кто заставил нас поднять оружие? Вы сами восстали, а поэтому вы до конца должны быть такими, каковы вы сейчас в начале восстания. Вы сами встретились лицом к лицу с северными разбойниками! Вы видели и слышали невинную кровь, стоны мучеников, поные веляющихся по оврагам в холодной степи без погребения, Ваша гордая и свободная душа, непризнающая насилия, сбросила власть террора во имя свободы и отмщения за вопиющую кровь наших братьев, которые невинно замучены злодеями. Дорогой венец сплетем для мертвых, оставшиеся в живых обрящем жизнь, а жизнь наша только впереди. Братья, без колебания вперед! С нами Бог и правда!“

Раздались голоса: „Правильно! К оружию! Смерть палачам!“

В это время на взмыленной лошади, слегка раненой в ногу, в толпу собравшегося народа с криком: „Посторонись! дай дорогу!“ в'ехал подхорунжий Атланов, Еланской станицы, который рассказал о тех ужасах, которые происходят комиссары, бежавшие из Вешенской, и умолял немедленно дать помощь, чтобы освободить станицу, которая готова присоединиться к восставшим. Казаки, выслушав рассказ Атланова, разошлись по домам, чтобы снешно готовиться к выступлению на фронт.

Наступила ночь. Все утихло, только в военном отделе тускло светил огонек; то и дело звонил телефон, налаживалась связь, вызывались начальники действующих частей, которым передавались телефонограммы и

пр. Я же, со своим помощником есаулом Алферовым, не отходя от аппарата, отдавал распоряжения Казанцам, Мигулинцам, которые вели бой с наступающими красными частями со стороны слободы Калач, Богучар и ст. Чертков.

Утром 28 февраля в Вешенскую прибыли казаки ближайших хуторов, из которых было сформировано: один конный полк и дивизион пехоты, входящий в состав конного полка под командою прапорщика Н. Дарина. В это же время хорунжий Ермаков закончил формирование правобережного отряда. Такой же порядок формирования происходил в ст. Казанской и Мигулинской.

Утром 29 февраля 1-я Решетовская конная сотня в составе 170 человек под командою подхорунжего Ломакина выступила на ст. Еланскую и к 2 часам дня разбила инженерную роту и заняла ст. Еланскую. Военный отдел, сформировавшийся в Еланской, приступил к спешному формированию восставших частей для обороны северной границы округа. Разбитые же шайки красных бежали в станицу Букановскую, Слашевскую, и Федосеевскую, где мобилизовали население и, соединившись с подошедшими частями красных, заняли оборонительное положение от Бузулука по р. Раствердяевке до ст. Слашевской включительно.

В ночь под первое марта отряд хорунжего Ермакова выступил на станицу Каргиновскую, с расчетом на рассвете занять последнюю, дабы не дать противнику времени уничтожить находящийся там склад боевых припасов. Около 12 часов ночи, не доходя до хутора Токина, лежащего в 8 верстах от Вешенской, отрядом хорунжего Ермакова были замечены колонны красных, которые двигались на Вешенскую. Отряд в составе 400 бойцов, заняв северо-восточные высоты хуторов Токина и Чукарина, без выстрела ожидал появления красных. Первая разведка, высланная вперед, проходя по хутору Токин, встретила конный раз'езд красных, который рассеяла огнем. Карательный отряд, состоящий из одного батальона пехоты, эскадрона конницы и одной батареи, под командой комиссара Лихачева, с целью запугать восставших, открыл артиллерийский огонь по хутору, но, не чувствуя сопротивления, таковой прекратил. Не допуская мысли о действительно организованном восстании и, рассчитывая, что шайки, перепугавшись артиллерийского огня, разбежались, комиссар Лихачев решил покончить с „мятежниками“ одним взводом конницы и для этого сам во главе взвода диннул на Вешенскую, оставив отряд в хуторе Чукарина около церкви. Но едва успел подняться на высоту за хутор Токин, где была расположена цепь восставших, как услышал позади себя крик: „Стойте!“ Лихачев не растерялся, а даже повернул лошадь назад и крикнул: „разойдитесь, стреляю!“ и бросился к группе казаков, где находился командир отряда, хорунжий Ермаков. Раздалась тихая команда: „Взвод пли!“ Грянул залп и красные усмирители повалились на землю. Товарищ Лихачев, раненый в левое плечо и шею, испуганно ковырялся в грязи, а остальные красноармейцы были перебиты или захвачены в плен. Только два красноармейца, воспользовавшись ночью мглою, сумели проскочить через цепи восставших и присоединиться к своему отряду.

Через несколько времени со стороны хутора Чукарина загрохотали пушки, снаряды со звоном долпались в воздухе или беззвучно зарывались в сырую землю. Отряд хорунжего Ермакова перешел в наступление, выбив красных из занимаемых ими хуторов Токина и Чукарина, до утра преследовал отступающего противника в направлении ст. Каргиновской. Отступающий противник с подошедшими к нему 3-мя эскадронами Саратовского конного полка, укрепился по правому берегу р. Чир, удерживая за собой ст. Каргиновскую.

К 15 марта 1919 г. из восставших станиц Вешенская, Мигулинская, Казанская, Еланская, насчитывалось 15.000 восставших бойцов, из которых большинство без винтовок, успешно громили красные части особого назначения и удерживали пространство Верхне-Донского округа на протяжении 300 верст в окружности.

(Продолжение следует).

П. И. Кокунько.

Наше прошлое.

(Продолжение).

Настоящее описание станичных скачек не есть подробное изложение происходившего в известный день и срок по известной программе. Не в этом задача настоящего очерка. Его задача заключается в возможно более ярком изложении как порядка самих скачек, так, главным образом, того влияния, которое они оказывали на самих участников и присутствующих, как в физическом, так и в психологическом отношении. Это влияние было очень велико так как этот спорт служил, главным образом, и подготовкой к боевой службе, ибо на кордонах и в строевых частях не было возможности заняться этим — там приходилось осуществлять на деле приобретенные знания и навыки в почти постоянных боях и несении уже полевой службы. Подготовка эта в станицах не была учреждена каким либо обязательным актом. Она явилась в силу сознания ее необходимости самим населением, не была принужденной, но носила спортивный характер, увлекающий всех тем более, что пользу его сознавали действительно все и поощряли даже у детей. Для скачек не было установлено никаких общих правил, в каждой станице состязания производились по усмотрению участников и распорядителей. Цель была одна — подготовка молодого казака к его будущей деятельности.

Поэтому указать систематический порядок ведения состязания не представляется возможным, также как и точно формулировать приемы использования упражнений — каждый делал так, как удобно, пользуясь указанием старших или собственным опытом, приобретенным уже во время самих упражнений. При этом выбор упражнений предоставлялся полному усмотрению и изобретательности распорядителя состязания и, чем больше изобретательностью он овладал, тем лучшие результаты получались на состязаниях. Насколько помнится, в этом отношении пальму первенства оспаривали две станицы — Мышастовская и Дядьковская. Само собою разумеется, что при таких условиях нечего искать однообразия в станицах.

Можно указать на степень постепенности в упражнениях, соответственно возрасту. Так например: 1) самые молодые выпускались на состязание первыми, при чем каждый возраст выполнял только одно какое-нибудь упражнение; 2) следующий возраст до 20 лет все упражнения по прямой линии; 3) очередные к выходу на службу выполняли все упражнения в разброску, при чем выбор оружия предоставлялся каждому на его усмотрение.

Ценителями всего этого была вся станица, жители которой не пропускали случая полюбоваться на свою молодежь; старики и вообще семейный народ степенно критиковали участников с видом, конечно, знатоков дела, и их приговоры были строго деловые, которыми они делились между собою. Молодежь выкрикивала свои замечания громко, сопровождая их шутками. Но особенно боялись приговоров более строгих зрителей, приговоры которых могли повлиять на всю последующую жизнь участника. Это были приговоры „дівчат“. „Дівчата засміють“ — это была гроза не шуточная, заставляющая участников употреблять все силы, чтобы не подвергнуться ей. Для этих судей было мало выполнения упражнения, они требовали и красоты, пластичности, ритма, лихости, смелости и всего того, что действует на душу человека, что волнует сердце. Попробуйте проехать по улице верхом болтая руками и ногами — непременно из за какого нибудь забора послышится веселый, насмешливый голос: „Эй, Грицько (или Степан), а ну, потанцюй халанди (цыганский танец), гріш дам!“ Не поднимитесь на стремена при рыси или проежайте облегченной рысью, которую черноморцы не любят, в догонку обязательно кто нибудь посмеется. И тянулись парубки изо всех сил, чтобы избежать иногда роковых насмешек.

Накануне праздника или воскресного дня при станичном правлении заготавливались все принадлежности будущих скачек; работали сами участники под руковод-

ством распорядителя; заготавливали барьеры, живые изгороди, чучела для укола и рубки, обматывая их соломой; не забывали воткнуть в чучела, предназначенные для стрельбы, что-нибудь скорее воспламеняющееся, чем солома, — пучки сухого сена или что-либо в этом роде, так как эффект заключался в том, чтобы пыжами зажечь чучело и пр.; заготавливались и глина или дерен для бабы, которую предстояло рубить или колоть.

В станицах обедня начиналась очень рано, часов в 6 или даже в 5 (с весны до осени), так что часам к 9 или 10 успеют уже и отобедать. В эти часы по улицам шел барабанщик и колотил „сбор“, если умел, а если нет — то, что попало и как попало. Это значит, что в этот день назначался „станичный сбор“. Если вслед за этим раздавался звук трубы, то это означало, что будут и скачки. Если в станице имелся трубач, то играл „сбор“, если же такового не оказывалось, то брал трубу кто хотел и, идя по улице, извлекал из нее такие звуки, от которых и стар и млад покатывались со смеху, а детвора со страху бросалась к матерям. И это было весело.

Если это был большой праздник и при этом хорошая погода, то церковная площадь в это время представляла долго незабываемое зрелище; на нее стекалось почти все население станицы; дома оставались только немощные старики да больные. Около станичного правления группировался станичный сбор, который в любое время происходит под открытым небом, так как зданий, удобных для сбора, в то время не было, а на сборе присутствовало все население. Рядом со сбором, у ворот станичного правления, которые также выходили на площадь, и во дворе располагались участники скачек.

Живописное зрелище представляла собою толпа, наполнявшая площадь. Казаки считали своею обязанностью на сход являться в мундирах; служащие, находящиеся на очередной побывке дома, и даже некоторые старики — при шашках, но кто постарше и отставные обязательно с „ціпком“ (палкою). Старшины, впоследствии офицеры, не нарушали этого обычая и их эполеты (погон еще не было) ослепительно блестя на солнце, возбуждая зависть иногда и удовольствие, потому что это все таки был наш „пан“, свой станичник, которым иногда гордилась станица, особенно если у него вместо „ватрушек“ (обер офиц.) были „сошники“ (подсолнух) — густые штаб офицерские эполеты. Но все эти чины на сборе особенного значения не имели, так как подчинялись всем распоряжениям атамана, хотя бы он был и рядовой казак, ибо правом голоса они пользовались одинаковым с прочими станичниками и сбор их слушал постольку, поскольку находил разумными их речи, не стесняясь высказывать свои соображения иногда в довольно резких выражениях, если находил это уместным, а старики, знавшие такого пана еще „хлопцем“, обращались к нему без всякого титулования, прямо на „ты“. Впрочем титулование вообще не было принято на сборах.

„Молодики“, принявшие присягу на верность „службы“ и считавшиеся очередными к выкомандированию на кордон или в строевые части, являлись иногда на кордон или в строевые части, являлись иногда на площадь в новом обмундировании и вооруженными пиками, на своих, уже строевых конях, обезженных ими самими, и щеголяли сбруей. Они участвовали в скачках последними. Старший возраст „парубків“, т. е. принявшие присягу только „на верноподданство“, также выезжали в обмундировании и вооружении, но на лошадях каких угодно. Младший возраст — парубків — выезжал на каких угодно лошадях, без вооружения и обмундирования и они, обыкновенно, начинали скачку. Это, обычно, бывало самым веселым номером скачек. Но более колоритный вид всему этому придавала собравшаяся свободная толпа зрителей не только своей станицы, но и с хуторов и другой станицы, если она была близко и имелись в ней родственники или хорошие знакомые.

Подавляющее количество толпы состояло, конечно, из женского пола, так как мужчины были или на сходке или участвовали на скачках. Дополняла эту толпу детвора, для которой скачки являлись прообразом их игр. Из мужчин — казаков только где нибудь мелькали свитки или гречаник — смушковая шапка — городовика, забравшегося почему-либо в станицу в широких пестрядовых штанах, размера „в Чорне море“. В приморских станицах, где были рыбные промыслы, их было больше. Еще меньше было русских, москалей или кацапов, из внутренних губерний, прибывших на сенокос в своих кибитках. Они отличались своими рубашками, необыкновенно низко подвязанными, в лаптях и войлочных шапках. Для них это было невиданное зрелище; держались они обыкновенно отдельной кучкой, как чужие местному населению и по языку и по внешнему виду, со своими длинными бородами; их черноморцы не любили даже пускать в свои станицы. „Чорт зна що, — говорили они, — наче віхоть (мочалка) взяв в зуби, та й ходять, тільки вошей плодять“.

Зато женский пол поражал разнообразием красок, убранства, придавая какой-то особенный блеск толпе, оживляя ее своею жизнерадостностью. Тут были и пожилые станичные матроны в темного цвета одеждах с повязанными черными платками головами, концы которых в виде рожек торчали над лбом, в длинных черных „пальто“ без перехвата талии и с широкими отложными воротниками. Были и женщины среднего возраста, в таких же „пальто“, но иногда цветных и по борту воротника с разноцветными зубчиками и узорчатыми платками на плечах, с головой повязанной цветными платками; были и молодлицы (молодые женщины) в разно-

цветных „очіпках“ — (чепчик, покрывающий только волосы и завязанный на затылке), щеголявшие своими шальями и запасками (плахты из шерстяной узорчатой ткани) подвязанными широкими поясами и с намистом (ожерельем) на шее.

Но венцом всего были, конечно, дівчата. Для них это действительно был праздник, особенно если была весна и изобилие всевозможных цветов. Какая нибудь щеголиха на своей голове устроит бывало целый полисадник: по середине, над лбом, обыкновенно посадит „трянду“ (розу), по бокам ее — по одному цветку „рожевого квіту“, далее пойдут и мак, и нагідки, и чернобривці, и все, что только есть у нея на „городі“, а в косы вплетет всевозможных цветов ленты. В своей длинной, белой рубахе, вышитой по подолу, который виден из под плахты чуть не на вершок, с рукавами в сборку около запястья, также вышитыми мережкой; в черной корсетке, безрукавке, чтобы видны были широкие рукава с мережкой, с открытой шеей и с неизменно верным числом „разок“ (ниток) намиста (бус) всевозможных цветов, и в красных „чобітках“ с подковами, это была действительно колоритная фигура. Ей было чем щеголять и гордиться, ведь все, что на ней, начиная с вышитых ею цветов и кончая узорной запаской и расшитой корсеткой с разными цветными зубчиками — все это дело ее рук, свидетельствующее о ее искусстве, работоспособности и любви к красоте. Искусно перемешанные цвета — синий, красный, черный, белый, как в самом костюме, так и в отделках придавали особенную прелесть наряду.

(Продолжение следует).

И. С. Константинов. (Дальний Восток).

Таежный поход.

(Окончание).

Решили пробиваться. Были посланы разведчики — где лучше пробиться и проехать. Вернувшиеся разведчики рассказали, что вправо — военный городок, где артиллерия, а влево, в горах, пулеметы и что атаман 3-го округа Оренб. Войска полковник Смирных со своим штабом налетел на пулемет, бросившись в атаку на него, и уже был взят пулемет, но один красный пулеметчик из нагана застрелил полковника, а красный пулеметчик тут-же был зарублен казаками. Решено было кинуться в атаку между военным городком (справа) и горами (слева) ввиду того, что здесь местность была ровная и безлесная, хотя и опасная от обстрела, но способствовала быстрому и беспрепятственному передвижению обозов. Наш артиллерийский дивизион (уже без пушек) пошел в атаку. Полковник Воронин сел верхом, сделал распоряжение и из за горы сразу выскакиваем с криком ура! Выскакивает также единственный наш пулемет „Максим“ (приспособлен на санях) и несколько ружей „Шоша“. Кинулись на врага. Стрельба из пулеметов, ура и блеск обнаженных клинков перепугали красных и они кинулись в разные стороны. Несколько красных было взято в плен, остальные бежали вправо и влево в сопки. Помню, как сейчас, приводят одного красноармейца, захваченного при атаке. Полковник Воронин спрашивает: Ты кто такой и откуда?

— Я билый (белый) салдат бла 29 Бирской полка, патум краснай пупал, тапирь (теперь) апат (опять) билый пупал.

Оказалось, что он был в нашей армии в 29 Бирском полку и, по ранении, его отправили в Красноярск, а по выздоровлении он и все в городе попали к Щетинкину, который их и направил против своих же.

— Ну, вот и убей его! — говорит полк. Воронин. — Он ничего не знает, Уфимский татарин и, можно сказать, и не виновен. — Иди, земляк, куда хочешь!

Солдат поблагодарил и пошел по направлению в город.

В это время красная артиллерия стреляла из нескольких орудий из военного городка. Все поле было покрыто бегущим, едущим и скачущим народом; все

кипело, как в котле, и вся эта масса, об'ятая паническим страхом, двигалась на восток. Несмотря на такую скученность людей, артиллерия стреляла плохо, почти без поражений; не только убитых, но и раненых было мало.

Все, что раньше считалось нужным, теперь бросалось, как не годная рухлядь. Чего здесь только не было: ящики макарон, папиросы, сигареты, бочаты с маслом, пишущие машины, тюки с разным обмундированием и пр. Оставляли теперь самое необходимое: муку, хлеб печеный (если был) и больных. Мне пришлось в этой кутерьме искать свой обоз. Вижу — несколько человек возятся около крашеного деревянного сундука, кем-то брошенного. Под'езжаю, спрашиваю солдат:

— Чего нашли в этом сундуке — деньги, что-ли?

— Деньги-ли что другое, тебе все равно не дадим! был ответ.

Поехал дальше, — лежат красные суконные брюки. Слез, взял, — годятся на лампасы, думаю себе. В другом месте солдаты, разбив ящик, делят сигареты, набивая в переметные сумы. Наконец, нашел свой обоз. Все кучера и больные были в снегу, лошади в мыле, им пришлось сильно гнать лошадей через место артиллерийского обстрела, но все обошлось благополучно только на подводах осталось еще меньше, чем было; осталась в небольшом количестве мука, канцелярия и еще кое-чего.

Было уже темно, когда вся эта людская лава ввалила в громадную деревню в нескольких верстах за городом. Поднялся шум, крик, — ищут и кричат своих. Где нибудь стоят у забора всадники и кричат: 8-я Оренбург. каз. батарея — сюда; а в другом месте: Ижевцы, Воткинцы — сюда; Камцы — сюда; такой-то Оренбург. полк — сюда и т. д. Подобная картина была и с обозами.

Была сделана остановка на несколько часов. Командиры, после совещания, повели свои части в известном направлении. На утро Рождество Христово пришлось встретить в маленькой таежной деревушке, которая не вместила и сотой доли всех людей, прибывших

в нее. Везде на улицах и за деревней на снегу горели костры, пекли лепешки, варили суп, если было мясо, а если не было такового, то просто в воде муку приправляли маслом или салом, а у большинства не было и этой приправы и даже соли, — получалась просто горячая болтушка, которую ели с жадностью; этим кормили и больших казаков. За время всего таежного похода это была самая распространенная пища в армии.

С этого дня наше отступление не было отступлением, а просто бегством и не потому, что сзади наседал враг, нет! а стремились как можно скорее проехать тайгу, боясь голодной смерти. Каждая часть ехала по своему; каждый казак или офицер мог ехать верхом или на санях, в одиночку или компанией. Казаки старались не бросить своего брата-казака, у которого приставала лошадь: его станичники добывали сани, запрягали своих лошадей и брали с собой безлошадных, а где попадались лошади, уставших оставляли, а свежих забирали, платя разные „придачки“. Делали ежедневно 70—80 верстных переходы, иногда по нескольку дней и ночей не спавши. Были привалы по нескольку часов и ехали дальше.

Переход от гор Красноярска до озера Байкал, был самым скорбным для армии. Деревни были редкие и маленькие, они не могли дать даже самого необходимого для этой лавы людей.

Масса лошадей отказывались двигаться дальше. Каждая верста нашего пути отмечалась несколькими трупами и еле живыми, уставшими и исхудалыми животными. До слез жаль наших незабвенных спутников, невинных страдальцев человеческих распрей. Все они без седел, сбруи и даже без узды, стоят и смотрят на нас, уходящих; смотрят как будто с укором... Да мы и сами знаем, кто виновником их смерти. Иной конь соберется с силой и присоединяется к идущим, идет, шатаясь, вместе с обозом; иногда доплетался и до деревни. По обе стороны дороги валялись сломанные сани, сбруя и даже вещи. По деревням много оставалось больных и даже сумасшедших, привязанных к стене, говорящих всякую нелепость. За это время у нас в дивизионе покончил жизнь самоубийством приписной казак, есаул Двинянин, и лишился ума каз. пос. Бородинского Швырев. Я помню, как он говорил казакам на одном привале: „Станичники! кто хочет посмотреть этих мерзавцев Ленина и Троцкого, я их доставлю сюда на аэроплане. Я теперь все могу сделать, они через два часа здесь будут. Я в двадцать четыре часа сделал кругосветный полет на своем аэроплане“ и т. д. Через день он умер.

Народ относился ко всему совершенно равнодушно, не было никакого сострадания к чужому горю, каждый думал только о себе. Лошадь, свое здоровье и несколько фунтов муки составляло для каждого все на свете. Стоят около дороги в глубоком снегу кучер и приставшая лошадь с санями, где лежат больные. Кучер просит не бросить их на гибель, — никто не обращает внимания. Солдат сдернул с усталого коня седло, положил на плечи и идет до деревни пешком. Один случай запечатлелся в моей памяти: „Близ дороги между деревьями у потухшего костра лежали замерзшие четыре человека военных; у одного под отвороченой полкой виднелся Георгий.“

По дороге едут по одной подводе, а где и по две в ряд, все торопятся, вперед пустить никого никто не хочет. Однажды на одном мостике подводы нашего обоза все шли одна за другой. Друг подъезжает офицер пехотной части и требует остановиться и пропустить его подводу. Я ему отказал, он вынул револьвер и грозил застрелить. Я ему ответил:

— Вы меня можете убить, но знайте — вон за вами едет наш казак-урядник, он вас тоже застрелит!

Ничего не осталось ему делать, как покориться судьбе и отстать, пока пройдет наш обоз. Таких картин можно было наблюдать сколько угодно.

В городе Нижнеудинске была дневка. Казаки немного отдохнули и покушали по людски; было получено кое-что из продуктов, получили даже по одной пачке сигарет. Все больные, которые пожелали остаться в городе, были перевезены в городскую больницу.

Пошли снова большие переходы, опять бессонные ночи и таже картина, но здесь еще прибавилось то, что каждую деревню почти приходилось брать с боя. Крестьяне восставали и не пускали в деревню. Опасно было ездить вперед квартирьерам.

На станции Тайшет была снова дневка. Командир дивизиона пол. Воронин приказал собраться казакам дивизиона и объяснил общее положение: „Ребята, я слышу, говорил он, — вы на кого то жалуетесь, что вы устали, замучились. Я этому верю и очень сочувствую, но что же я могу сделать? Ведь и я еду вместе с вами, ем то же самое, что и вы. Большевики — это наши общие враги, с которыми мы воевали и воюем уже два года, и все таки судьбе было угодно, чтобы мы очутились здесь. Никто в этом не виноват. Я вам никогда не лгал и теперь говорю: что впереди нас ожидает, я не знаю, но о том, что я веду вас в сторону наименьшей опасности, — это я знаю. А потому, кто не хочет дальше ехать, я насильно удерживать не буду, но и не советую оставаться, вы знаете какое отношение крестьян к армии и, особенно, к нам“.

На следующий день движение продолжалось. Из всего дивизиона в Тайшете осталось два или три человека казаков да и тех сманил комитет общественной безопасности, который организовался еще при нас. Опять полетели дни и ночи и все верхом на лошади. Приходится удивляться, как только выносили наши кони такие ужасные лишения, — постоянная спешка, гонка, 70—80 верстных переходы, нехватка корма и все таки бегут, бедные. Из всех около 300 лошадей дивизиона (артиллерийских и казачьих) до Читы добрались не более 10 шт. и все лошади своей породы, т. е. киргизской и башкирской, остальные переменялись по нескольку раз, а кровки и полукровки не дошли далеко до гор. Красноярска.

Боже мой! что только тут творилось, страшно вспомнить. Больных сыпным и возвратным тифом уже было половина, за лошадьми ухаживать почти некому, а если кормили, то сами же больные, которые могли двигаться после приступа болезни. Ежедневно лошадей становилось все меньше, перекладывали больных до трех человек на подводу. Фураж доставать было очень трудно, приходилось кормить чем попало; ломали старые крыши и снимали с них солому. Люди устали до изнеможения, питались так-же чем попало; если муки не было, вытаскивали картошку, а то ехали и голодом. Относились ко всему безучастно, каждый думал только о том, чтобы ехать скорее. Никакие мольбы не действовали. В каждой деревушке по необходимости оставались люди, лишенные возможности продолжать свой путь. Смерть разгуливала во всю. Умерших оставляли деревенскому старосте для погребения, а сами продолжали путь. Не редко можно было видеть, как ехали верхами женщины, боявшиеся потерять мужа.

При приближении армии (если не сопротивлялись), все почти население деревень уходило со скотом и увозило с собой все в глубь тайги; оставались женщины-старухи и старики.

Морозы доходили до сорока °, и больше. Были случаи, что при проверке больных на привале, находили людей мертвыми или с обмороженными конечностями. Затаскивали в избу, начиналось оттирание снегом, поднимался плач, стоны и проклятье всего на свете, часто слышался призыв конца мытарствам — смерти.

— И когда будет конец этой распроклятой тайге, всю душу она из нас вымотала? Чтoб холера ее забрала! говорит отогревшийся больной ур. Шеметов и дрожжащими руками держит чашку чая. — Заехали, что и выехать не можно. Ох-охо, доля наша несчастная! Дома наверное думают, что мы уже замерзли (по газетам товарищей), а мы еще живы. Увидим-ли мы свои станицы? Как ты думаешь, Маркыч?

— Увидим, не падай духом! отвечает ему наводчик Рябчиков, которого назвали Маркычем. Только бы выздороветь, вот скоро Иркутск, а в Иркутске, говорят, нас встретят войска атамана Семенова, дадут нам пушки или сами добудем и снова будем угощать товарищей своими гостинцами. А теперь надо запасаться силой. Кто же, ребята, у нас за лошадьми сегодня ухаживает?

— Накормили и напоили, не заботься, Маркыч! успокойл его каз. Щеглов.

— А сколько нас осталось здесь сослуживцев по гор. Термезу, продолжал обогревшийся Маркыч, — я, ты, Константинов, Полников, Приданников, вон Гриша Шеметов да Милых и только, всех растеряли... Бедные казаки, много нас потом не досчитаются, много прольется слез, а все это товарищи... Мы им — как кость в горле. Земли у вас много! Скота у вас полно! Довольно вам носить с нагайками, пора их против вас направить! А кто нас до этого довел? Сделали из нас каких-то усмирителей, ну вот теперь мы за то и считываемся!

— Ну, довольно Маркыч, расчувствовался! перебил его Шеметов. Собирайся, вон уж запрягают, опять ляжем вместе и Щеглов нас покроет кошмой и завяжет, так-то будет теплее и не потеряемся, и он же нас повезет. Славный парень этот Щеглов! Давай на дорожку закурим, у тебя есть закурить? Ох! аж страшно выходить на улицу! Мороз черт его знает какой! Как бы и нам конец не пришел, дотянем-ли до Иркутска?

На станции Зима был бой. Красные вышли на встречу нашей армии, чтобы задержать движение. Они были уверены в нашей слабости (что было много больных), но вышло наоборот. Красные попали под пулеметный огонь, было много побито; поле укрыто было телами красных, а остальные бежали. Но все-таки в Иркутск нас не пустили (там были чеки) и мы проехали верстах в четырех от города. Город был виден, так и хотелось поехать отогреться в нем, но увьи! Семенова там не было.

Не доезжая до станции Зима, я заболел как и другие. Мне пришлось невольно присоединиться к компании „Термез“...

Но вот и Байкал. Мороз здесь был еще сильнее, даже дышать тяжело. Дул сильный ветер с севера, когда мы переезжали Байкал. Лед на озере был голый, снег ветром весь куда то унесло. Сразу-же с первых верст нашего следования, по льду стали ставить живые вехи из лошадей. Лошади были все с подтергыми подковами и шипами, а потому по льду идти было очень трудно.

М. Бытынский.

Г И М Н Ы.

Гимн происходит от греческого слова „гимнео“ — петь, славить, хвалить; и, как произведение звуковое, принадлежит к числу слуховых государственных, национальных и иных атрибутов и символов, по значению своему равному символам и атрибутам наочным, как герб и флаг. Гимн, как и наочные пластические, образительные символы, служит выражением известной сущности и особенностей государства, народа или иного какого либо общественного коллектива, создавшего и употребляющего в определенных случаях свою собственную торжественную песнь. Значение такого звуково-слухового символа, как выражения песенного и музыкального, эмоционально и в смысле более широкого массового восприятия, можно допустить, даже превосходит значение немых символов наочных, ибо музыка из всех искусств вообще, наиболее непосредственно действует на человеческую душу и наиболее легко влияет на ее настроения. Тем отчасти возможно пояснить и очень широкое и чрезвычайно раннее употребление различных гимнов у человечества.

Действительно, история гимна очень стара и разнообразна; человечество уже в наидревнейшие времена пользовалось гимном, особенной торжественной и хвалебной песней, как сильным и ясным способом не только своего настроения, но выражало в нем и свое особенное то или иное специфическое отношение к богам, природе и людям. Во времена древнейшие, особенно же во времена развития и господствования религиозных культов, гимны составлялись в честь богов и исполнялись во время торжественных богослужений жрецами, народом или специальными хорами наряду со

Проехав верст 10—15, стало как будто видно станцию Мысовую на противоположном берегу. Видно издали, что много народу скопилось на одном месте, подъезжаем ближе оказалось, что лед треснул и появилась трещина не меньше $\frac{3}{4}$ аршина. Приходилось доставать доски из саней и класть на щель или ждать очереди. Вот уже и вечер, а Мысовой все нет, виднеются огни и только; мы промерзли до костей, а идти пешком не было силы. И только кое-как дотащились вечером. Оказалось, что ширина озера в этом месте — 60 верст. Люди все перемерзли, голодные как волки, лошади измучены до невозможности. Всем необходимо было отдых, для подкрепления своих сил. Была дневка, люди и лошади немного отдохнули, сделали и небольшой запас. Здесь уже было Забайкалье, села были частые и довольно большие, так что казаки наши вздохнули свободно. Но в одном селе Кабанье пришлось вступить в бой; там красные засели и не хотели вступить в село, пришлось идти в атаку; на площади наскочили на пулемет; были убитые. При второй атаке отплатили красным с придачей; несколько было взято в плен; остальные ускакали на сани; их не преследовали...

Первых японцев нам пришлось видеть на железнодорожном мосту через реку Селенгу. Мы были уже вне опасности. Так доехали до гор. Верхнеудинска. Это было в первых числах марта 1920 года. Дальше ехать было очень трудно за неимением здоровых лошадей, а потому всех больных отправили санитарным поездом в Читу и дальше. С этим поездом был отправлен и я.

Так кончался наш Таежный и тяжелый небывалый Великий Сибирский поход, но нельзя сказать, что кончались наши страдания, их было еще много впереди — в Забайкалье, Приморьи и, наконец, в Китае. Но эти последние испытания были далеко не такими по сравнению с Таежными. Эти последние страдания и лишения мы несем и по настоящее время...

Придется-ли нам дожить до тех дней, когда мы увидим свои родные станицы вольными, свободными ни от кого независимыми, со своими Войсковыми Кругами и Радами и выборными Атаманами?

священными танцами. Культ египетских богов Изиды и Озириса наполнен красивыми и выразительными гимнами в их честь; эги египетские гимны подчас очень длинны и изложены в довольно тяжелую литературную форму (подобную гекзаметровому греческому стихотворению); можно поэтому полагать, что исполнение их отбывалось также в соответственном растянутом ритме и медленном темпе. Почти все египетские религиозные гимны были не только славословием и восхвалением богов; по тому времени они составляли как бы египетский философский кодекс и служили выражением известного религиозно-философского мировоззрения египтян.

Священные гимны в честь богов, подобные египетским, составляли наиболее выразительную внешнюю сторону и других древних религиозных культов, как например в древних индийской и персидской религиях. Такие гимны, сложенные соответственно случаям и особенностям богов, в известном порядке и сопровождаемые обрядами, представляли собою древнее богослужение. Следы таких гимнов сохранились и в древнеарийской религиозной литературе — в индийских Риг-Ведах да в персидской Зенд-Авесте. Древне-еврейская библия тоже включает в себе достаточное число религиозных иудейских гимнов в честь единого бога; гимнами этими переполнены особенно псалмы Давида.

Интересно развитие и совершенствование гимна в древней Греции. В древнейшую эпоху истории Пелопонеса греческие гимны, как и у всех народов, посвящены были богам — Зенсу, Аполлону, Афродите, Афине и т. д. Светлая, радостная религия греков особенно по-

ощряла различные гимны — радостные хвалебные песни и торжественные музыкальные произведения. Музыкальное искусство греков по тому времени вообще стояло на большой высоте, — почти вся жизнь грека от колыбели до могилы сопровождалась песней и музыкой. Преподавание пения и игры на кифаре или лире включалось в число необходимых предметов обучения и воспитания наравне с гимнастикой, философией, грамматическими и риторическими науками. Несомненно, что в такой особенно благоприятной обстановке и греческий гимн, как таковой, имел полную возможность получить свое органическое развитие и совершенствование. Древние греческие гимны полны глубокой музыкальности, обладают прекрасной благородной мелодией и отличаются возвышенной торжественностью. Бодрый, здоровый, светлорадостный дух древних греков проникал всю их общественную жизнь, нашел свои мощные выразительные и прекрасные формы во всем их искусстве и отразился во всей полноте в их эпической и лирической литературе, в том числе и в текстах прекрасных гимнов. Даже в довольно мрачном древнейшем культе Елевксинских мистерий, посвященных богине Деметре, священные печальные гимны этой богине проникнуты лучем света, надежды на искупление и возрождение. Таковы древне-греческие религиозные гимны: радостные, возвышенно-торжественные и высоко музыкальные.

В позднейший период развития греческой религии и с переходом ее из форм зооморфизма к антропоморфизму, во времена так сказать, очеловечения бога и обожествления человека, соответственно последовательную и логическую эволюцию переживает и гимн: он тоже очеловечивается. Из священной песни, посвященной богам, восхваляющей их мощь, силу, красоту и высшую духовную сущность, гимн постепенно нисходит и к прославлению смертного человека, пополняется как бы более осязательным и живым чувством любви к нему, удивлением к его способностям, силе и подвигам, озаряется чуткостью к его жертвенности и славе. Как постепенно высшие качества бога, его сила и слава через полубога, получеловека, героя переходят и на простого смертного, равно таким же образом и восхваление этих качеств переносится от богов к человеку.

Героический период Греции создал наравне со священными гимнами богам и особый род гимнов, посвященных полубогам, героям. Таким великим национальным героям-полубогам, как Тезей, Геракл и пр. строились по всей Греции храмы и совершались богослужения, представляющие из себя ряд связанных между собою известным образом гимнов прославляющих подвиги и славу героя. От полубогов или собственно героев гимны перешли и к прославлению обыкновенных смертных людей, выдвинувшихся из массы благодаря каким либо необыкновенным личным достоинствам. Песни составленные в честь таких смертных героев, по своему хвалебному содержанию и музыкальной форме носили тот же характер гимнов. Такого рода гимнами прославлялись удачники полководцы, мудрые правители, выдающиеся общественные деятели и, особенно, победители на олимпийских играх. Певцы гимнов в древней Греции составляли как бы отдельный профессиональный цех и носили название гимнодов.

Наряду с прославлением отдельных личностей полубогов или смертных героев, исполнялись гимны, посвященные в честь целых людских коллективов — военных отрядов, боевых групп и даже целых военных или торговых экспедиций и кампаний (Иллиада и Одиссея Гомера составлены из ряда отдельных песен о героях Ахилле и Улиссе и об их товарищах). В Спарте во время всенародных празднеств, именуемых гимнопедиями, прославлялись 300 героев, павших в Фермопилах. Из этих гимнов, прославляющих целые группы героев, возник особый ряд боевых песен или военных гимнов, в которых выражалось душевное состояние бойцов, возбуждалась их храбрость, жажда подвигов и обещание славы. Такие гимны, будучи присвоены отдельной какой либо группе и исполняемые ею коллективно в известных торжественных случаях, приобрели характер особого рода гимнов, гимнов корпоративных.

Таким образом, как видим, гимны в своем развитии от священной хвалебной песни, посвященной богам, через славословие полубогов, героев, людей к прославлению людских коллективов — различных групп и народов, а от них несомненно и к прославлению целых стран, земель и государств, прошли довольно длинный и сложный путь эволюции. На примере развития гимна в древней Греции можно проследить приблизительно верную схему этого развития. Нельзя, конечно, утверждать, что развитие гимна у всех народов обязательно шло вышеуказанным путем, как нельзя утверждать, что и в самой Греции шло оно по строго определенным логическим этапам.

У древних израильтян, у этих строгих поклонников единобожия и исключительных хранителей всех атрибутов и особенностей своего священного культа, можно найти примеры перенесения песенного славословия от божества к человеку. Исследователи св. писания определенно указывают, что библейский рассказ о Вораке и пророчие Деворе представляет из себя нечто иное, как отрывки военных и боевых израильских песен, употребившихся в качестве гимнов.

Одно несомненно: первоначальный гимн, как хвалебная торжественная песнь, создан был в честь богов; позднее он снизился к человеку и его окружению.

Из древнего мира через христианство, унаследовавшее и преобразовавшее античную культуру, гимн перешел и ко всем европейским народам. В первые века христианства, богатого мученичеством за веру и глубоким энтузиазмом верующих, составлялись и исполнялись гимны в катакомбах и пещерах; были посвящены они Богу, Христу и святым, главным образом, мученикам, пролившим за веру свою кровь и на костях которых в катакомбах совершались христианские богослужения. Исполнение таких гимнов было как бы повторением или подражанием древнейшим языческим гимнам, славословиям богов и полубогов-героев. Позднее при составлении чина христианских богослужений введены в него как многие из этих новозаветных гимнов, так и некоторые гимны ветхозаветные, вроде псалмов Давида, библейского гимна Захарии и Симеона. К числу прекраснейших образцов гимнов христианского богослужения принадлежит знаменитое *Te Deum* (Тебе Бога хвалим) в католической церкви и „Взбранной Воеводе победительная“ в церкви восточной православной. У

„Русский народ это огромный ребенок с тяжелым историческим наследием“.

„Россия — великий проходной двор“.

„Россия — территориальная чаща. Отсюда — наша медлительность, пассивность, веками отстоявшаяся дремотность, русский сон. Темпераментности у нас достаточно, но именно из-за нашей дремотности у нас — или сон, или буря и утрата чувства меры“.

„Без сильной власти невозможен у нас порядок. Если русский человек почувствует, что ему можно не повиноваться, он будет буйствовать“.

„Революция есть следствие слабохарактерности русского человека... Характер есть то, чего не хватает русскому человеку“.

Из лекции проф. И. А. ИЛЬИНА, одного из лучших, по выражению „Возрождения“, современных русских политических ораторов.

(„Возрождение“, 29 апреля, 1931).

лютеран точно также многие хоралы относятся к характеру гимнов.

Многие христианские церковные гимны, помимо обычного словословия, содержат в себе еще элемент и просительный; в них взывается к Богу о помощи и прощении (Царю небесный, Отче наш и т. п.) к святым о заступничестве и покровительстве, как напр. во многих тропарях святым. Такие молитвенные гимны как бы отступают до некоторой степени от чистых образцов гимнов древности, а то и просто превращаются уже в молитву. Эта первая форма гимнов-молитв, гимнов хвалебно-просительных перенесена была из церкви в общественно-гражданский обиход и особенно была распространена в Европе в средние века.

Городские ремесленные цехи, имея обыкновенно патроном (покровителем) какого либо святого, во всех торжественных случаях при выступлении цеха пели церковный тропарь своему святому и в этом случае такой церковный гимн-молитва одновременно становился и гражданским гимном данной организации.

Из церковных же гимнов-молитв произошли и монархические гимны. Первоначально, надо полагать, это была обыкновенная церковная молитва за короля, царя (как в бывш. России — „Спаси, Господи, люди Твоя“), содержанием которой было, главным образом, испрошение здоровья, долговечности, силы, могущества, славы и благополучного царствования для монарха. Позднее такая молитва, возможно даже в известной переделке

или с соответствующими изменениями, перешла в гражданский обиход и сделалась монархическим государственным гимном, исполняемым уже в строго определенных случаях и при соблюдении установленных почестей.

Таким образом, государственный монархический гимн, как определенный атрибут государственности, как всеобщая торжественная песнь целой какой либо земли и народа, возник уже в средние века и некоторые из таких гимнов, сохраняя за собой даже старинную форму, существуют и до настоящего времени. Характерным примером таких гимнов является королевский английский гимн, вошедший между прочим в употребление и в других странах — в Пруссии, Турции и в бывш. России до позднейшего гимна, написанного Львовым. Такие государственные монархические гимны именовались одновременно и гимнами национальными. Собственно же гимны национальные в понятии современном ведут свое начало лишь со времени великой французской революции, открывшей вообще новую эру в истории, эру националистическую.

В настоящее время существуют гражданские гимны монархические, прославляющие личность монарха, и различного рода корпорационные — групповые, спортивные, студенческие (знаменитый латинский „Haudemus“), военные, государственные и национальные; эти последние представляют для нас в данном случае особый интерес, потому мы ими в дальнейшем и займемся. (Окончание следует).

Ф. Воропинов.

Ледоход.

I.

Собрание „Общества Ревнителей Казачества“ в Париже, состоявшееся 15 февраля, заслуживает самого пристального и серьезного внимания. Во всяком случае на меня отчет о нем в № 75 „В. К.“ произвел большое и в высокой степени отрадное впечатление. И только болезнью помешала мне раньше высказаться по поводу парижских прений...

Мы, интеллигенты, вышедшие из народных „низов“, не располагаем ни богатствами, унаследованными от отцов, ни связями у „сильных мира сего“, ни громкими титулами или званиями, внушающими почтительный страх, ни избытком формального образования. Мы — по преимуществу писаря, мелкие чиновники, фельдшера, учителя, а после двух следовавших одна за другою войн в значительной части младшее офицерство. Наша сила не в этом, не в богатствах или связях. Наша сила в том, что мы живее, чем „высшие“ сословия, ощущаем биение пульса народных чаяний и стремлений; наша сила — в нашей живой связи с народом не только по роду своей профессиональной деятельности, но, главным образом, через наших матерей, отцов, братьев и сестер; наконец, в нашем глубоком убеждении, что мы — с нашим народом и что народ не может не пойти теми путями, которые мы указываем.

Доклад о задачах и целях, которые должно ставить себе современное казачество, стремиться к ним и разрешать их, сделал станичник А. Тульцев, человек сейчас „от станка“. Тоска по родине и любовь к своему народу толкнули его употреблять свой небольшой досуг не на личные развлечения, а на размышления в поисках выхода из создавшегося для казачества положения, на осмысление причин этого положения. Совершенно ясно, что человек много думал, много читал. Можно с уверенностью утверждать, что мимо его внимания не прошел ни один казачий журнал, ни одно направление казачьей общественной мысли; везде он искал ответа на свои мучительные вопросы: в чем причины нашего поражения, как быть дальше, что делать, какими путями можно выйти к спасению и возрождению казачества? От журналов он обратился к чтению солидных трудов, по истории казачества, и тогда ему стало ясно, что путь до Булавина и до присяги Московскому царству — единственный путь, который выведет современное казачество из того ту-

пика, в который загнала его Россия. На этот путь зовет казаков журнал „В. К.“, и он стал под его знамя, как сознательный и активный боец. Поняв ясно, что сражаться и вести бои с противниками можно и следует не только с шашкой и винтовкой в поле, но и с книгой и пером в руках на страницах журнала или словом на общественных собраниях, — применяясь к обстановке, он переменял шашку и винтовку на перо и книгу, написал свой доклад и вступил в бой на идейном фронте.

Обосновав свои выводы исторически и современным положением казачества на родине, тезисами — веками он наметил путь к основной цели наших стремлений и борьбы. „... Во всякой России казачество не может сохраниться и жить более или менее благополучно. Единственный путь спасения, это путь независимого бытия казачества. Поэтому нашей основной целью должно явиться независимое союзное казачье государство — Казакия. Задача каждого из нас — способствовать морально и материально делу осуществления этой нашей основной цели. Для этого мы должны научиться... различать друзей от врагов. Нам нужен единый путь, единая казачья политика, соответствующая нашей основной цели... Мы должны заняться самоорганизацией... Каждый казак обязан следить за политикой, обязан принимать в ней активное участие. Мы обязаны выработать свою новую идеологию...“

Что можно прибавить к этому? Многое. Но основная политическая цель и основные веки по пути к ней поставлены совершенно правильно. Дальше должна идти разработка частных задач, вопросов организационных, тактики, о союзниках и т. д.

Правда, докладчик упустил с поля своего внимания одно чрезвычайно важное обстоятельство, а именно то, что единая политика, подобно Эльбрусу, двуглава. Полно формулированная цель должна включать в себе не только вопросы возрождения, освобождения нашего народа и восстановления его государства, но и вопросы о том, каково должно быть это государство, интересы какого слоя нашего народа должны стоять в центре внимания политики его правительства*), т. е.

*) От ред. Не можем согласиться здесь с автором, т. к. считаем, что государство нужно строить соблюдая интерес всего народа, а не только одного какого слоя.

вопросы социальные. Политическая программа может считаться достаточно разработанной или даже вчерне полно намеченной лишь в том случае, если обе половинки единого тела политики будут хотя бы вежами достаточно ясно намечены.

Но в вину г. Тульцеву этого, разумеется, ни в каком случае поставить нельзя, ибо мы вообще только что подходим к постановке и решению этого огромного и в высшей степени сложного вопроса.

Доклад слушала довольно многочисленная и, как видно, по преимуществу также от станка и плуга аудитория: в прениях приняло участие более 20 человек, при чем некоторые делали оговорку, что хотя „говорить я не умею, но услышанное сегодня так меня обрадовало, что молчать трудно...“ И эта аудитория, 90% выступавших ораторов (за исключением 2-х), полностью соглашаясь с выводами докладчика, единодушно заявляла, что единственный путь казачества — путь его независимого государственного бытия, что докладчик и поставил, и разрешает все вопросы именно так, как только и следует их ставить и разрешать в интересах казачества, и также единодушно выражала пожелание, чтобы подобные доклады „устроивались почаще“.

Но что значит в эмигрантских условиях „многочисленная“ или „довольно многочисленная“ аудитория? Это значит — собрание в 60—40 человек. Следовательно, в прениях приняло участие половина или почти половина всех присутствовавших на собрании. А это, в свою очередь, свидетельствует о том, что собравшиеся приняли необыкновенно активное участие в собрании, в обсуждении тех вопросов, которые были поставлены перед ними. Это значит, что собравшиеся пришли на собрание не поглазеть, не от чего делать, а потому, что они с жадностью ищут ответов на те же мучительные вопросы, на которые докладчик уже убежденно и твердо ответил себе.

Содержание речей выступавших ораторов показы-

вает, что многие из них многое передумали, многие выстрадали и собственными усилиями пришли к совершенно определенным и, может быть, окончательным выводам. Некоторые из выступавших дополнили — и часто весьма удачно — тезисы докладчика новыми, своими тезисами, например, вопросами о необходимости создания определенного, ясного плана действий, о руководстве, о тактике, об отношениях к другим течениям политической мысли в казачестве. Другие выступали со спорными предложениями, и им сейчас же возражали, иногда идеально убедительно и исчерпывающе. Были затронуты и вопросы социального характера. Хотя решение, предложенное по одному из них, и неверно, с моей точки зрения, тем не менее хорошо уж само по себе то, что вопрос выдвинут и поставлен перед общественным вниманием. А раз он поставлен, он будет обсужден и в конечном счете общими усилиями решен верно.

На собрании принимали участие донцы, терцы, кубанцы, астраханцы, словом, казаки почти со всех казачьих рек, — с Дона, Волги, Терека, Кубани. Казачья общественно-политическая и национальная мысль просыпается повсеместно. Под ее живительными лучами тает, становится рыхлым, дает трещины лед русификации, в течение двухсот лет сковывавший казачье сознание. Под напором весенних вод он уже вскрылся местами. Ледоход начался, и нет теперь сил в мире, которые остановили бы его. Весна идет. Мы уже видим ее первые цветы. И пусть даже мы не увидим в нашем саду сочных и душистых плодов, но мы знаем, что они будут.

Так понял я происходившее 15 февраля на собрании „Общества Ревнителей Казачества“ в Париже. Поэтому то отчет о нем и обрадовал, и взволновал многих: сила в. к. идей рушит рутину мысли и выводит наш народ на верный путь возрождения и освобождения.

И. Билый.

Иван Игнатьевич Томаревский.

(К его шестидесятилетию).

*Пусть капли малые мои
Вольются скромно в наше море...
Держайте, братья казаки,
Вперед, дружнее за нашу волю!*

ИВ. ТОМАРЕВСКИЙ.

20 (7 по ст. ст.) января настоящего года исполнилось шестьдесят лет сотруднику журнала „В. К.“, терскому казаку Ивану Игнатьевичу Томаревскому. Узнали мы об этом случайно. Этим и объясняется то опоздание, с которым мы об этом сейчас говорим. Тем не менее, хотя и поздно, но сказать несколько слов о шестидесятилетнем жизненном пути одного из достойных своего имени казаков следует. Следует потому, что шестьдесят лет эти прожиты не напрасно, что путь казака-юбиляра далеко еще не кончен и далеко не лишним будет подчеркнуть здесь его маяки и цели.

Мы, казаки, привыкли — или приучили нас к тому, что стоющие прославления люди есть только у других, а у нас — что может быть у нас? — мы отличные „неизвестные“ служаки чужим „высоким целям“ и — ничего несмыслящие в целях своих собственных, никудышные хозяева и распорядчики своей судьбы и — уж во всяком случае — дети неразумные, что касается жизни политической или государственной. А между тем, в действительности это не так. И люди у нас есть, и наша „комора“ — духовная и материальная — не так уж бедна. Правда, не всегда мы умеем „находить“ или ценить своих людей, не всегда мы удачно пользуемся богатством наших потенциальных возможностей. Возможно, что виною в том являются и результаты вековой „опеки“, и современная наша политическая „молодость“. Но, с первой мы боремся, а вторая — зарука тому, что дело еще для нас поправимое. Будем только больше присматриваться к самим себе, будем больше

верить в свои силы и не считать себя хуже других. Не всегда хорошее только у варягов; не всегда плохое только у нас. А что действительно и у нас есть хорошее, и у нас были и есть люди, за которых „не советно“ и перед чужими — примером тому наш юбилей.

И. И. Томаревский — казак станицы Прохладной Терского Войска. Родился он 20 (7) января 1871 года. Детство провел в станице под опекою бабушки, простой казачки, и просвещенного по тому времени дяди (отец И. И. умер в 1874 году, а мать вышла вторично замуж). Мальчик учился первоначально в станичной школе, потом во Владикавказском графа Лорис-Меликова ремесленном училище, которое и окончил в 1891 году. В 1892 г. начал военную службу вольноопределяющимся в 1-м Кизляр-Гребенском полку (г. Грозный). В 1895 г. окончил Ставропольское казачье юнкерское училище и подхорунжим служил потом в 1-м Волжском полку (г. Хотин). В 1897 г. произведен в первый офицерский чин. В 1900 г. перевелся на службу в 1-й Аргунский полк Забайкальского к. В., в рядах которого и прослужил до 1913 года, участвуя в Русско-Китайской и Русско-Японской войнах.

В 1914 году (из-за необходимости дать образование детям) вышел „по Войску“ и возвратился на родину, где и поступил на административную службу в Веденском округе, сперва в должности начальника участка, а потом — старшего помощника Начальника Округа.

После революции некоторое время был на Кавказском фронте в рядах 2-го пограничного конного полка. С развалом фронта, короткое время жил в Хасав-Юрте, а после разорения его чеченцами, переехал в свою родную станицу, где в 1918 году и принял самое горячее участие в восстании казаков против большевиков. Был одно время комендантом сперва станицы, а

потом станицы Прохладной. В 1919 году командовал 7-м Терским пешим батальоном.

После катастрофы 1920 года, эвакуировался в составе частей Терского войска в Грузию (г. Поти), откуда через Батум переехал в Крым, числясь в резерве Терских частей. После крушения Крыма, эвакуировался из Евпатории в Константинополь, а оттуда, после почти месячного пребывания парохода на рейде, в Болгарию. Здесь работал в мастерских, на постройках, имел и свои мастерские, был некоторое время инструктором столярно-плотничьих курсов при Терско-Астраханском полку (г. Ямбол). Последнее время работал на вагоностроительном заводе в Софии, а в настоящее время работает на строящемся водопроводе Рила-София.

Таков „внешний“ жизненный путь И. И. Томаревского. „Богатый“ и тернистый. Но, И. И. не даром его прошел. И не о едином хлебе думал. И весьма возможно, что если бы каждому казаку раньше не предназначена была исключительно „казачья“ (в русском понимании) роль в жизни, И. И. Томаревский вложил бы в духовную сокровищницу казачьего народа далеко больше того, что он дал ему в специфических условиях жизни „служилого сословия“.

Писать стихи И. И. начал еще со школьной скамьи. В 1911 году издал книгу „Песни казаков“ (282 стихотворения. Изд. Иогансона, Москва). Сотрудничал в журнале Холмского „Казачий Голос“ (г. Новочеркасск), где помещены его несколько стихотворений, специально касающихся Казачества (1912-1914 г.г.).

Кроме того, много лет занимался И. И. собиранием казачьих песен, — и лично записывал и „извлекал“ из известных уже, но малоизвестных источников (Публичная библиотека, библиотеки г. г. Москвы, Новочеркаска, Екатеринодара, Владикавказа и др.). Весь собранный весьма богатый материал — более трех тысяч песен, шестьсот нотных партитур и более 1000 гравюр из военной и бытовой жизни казаков (какое богатство!) — И. И. мечтал издать под общим заглавием „Казачество в поэзии“. Но, к несчастью, все это собрание (нужно только представить себе — сколько на

И. И. Томаревский.

не расходясь в нем со многими своими современниками. „До выхода в свет журнала „В. К.“, писал он однажды редактору его, я мыслил казачество в составе „единой неделимой“ на автономных началах, но теперь душой и телом предан идее осуществления Вольной Казакии, как федерации отдельных казачьих республик...“

Еще один штрих, характеризующий И. И. с весьма выгодной стороны и свидетельствующий о весьма высоком чувстве долга и патриотизма у этого скромного казака-поэта. Вступая в число сотрудников журнала „В. К.“, И. И. отказался от гонорара „в пользу общего дела“. Для 60-ти летнего казака, принужденного зарабатывать сейчас свой кусок хлеба физическим трудом, это много. Слава ему!

Пожелаем же нашему юбиляру еще долго жить, но скоро увидеть осуществление и его теперь мечты — Вольной Казакии. Пусть старый, испытанный казак послужит и Ей, освобожденной нашей Родине, в которой только и начнется полный расцвет Казачества. Еще раз — многая лета, сил и здоровья!

Думы и мысли.

В. Резников. (Болгария).

Дунай.

Дунай несет седые волны,
Спешит он к морю на поклон,
Его движения привольны,
Спокойной негой полон он.
Красив Дунай в часы восхода;
Велик Дунай при свете дня,
Волшебной лентой проходит
В вечерний час в лучах огня.
Когда же месяц добродушный
Улыбкой ласковой дарит
И звезды челядью послушной

Украсят нежный колорит,
Тогда серебряные волны,
Воркуя жалобно, шумят,
Как гусли плачутся и стонут,
Тоскуют о счастливых днях.
И я тоскую вместе с ними,
Грущу о близком, о былом...
О том, что всюду мы гонимы,
О всем ушедшем, дорогом...
И хочется мне стать волною,
Нестись без устали к морям,
Стремиться с грустью больною
К родным далеким берегам.

О политике.

Прочтя в № 78 журнала „В. К.“ пасхальное поздравительное письмо казака А. Тырина и высказываемые им опасения, что в решительную минуту казаки могут оказаться неподготовленными, я, на основании опыта и наблюдений прошлого и сделанных из этого выводов, не могу не согласиться, что опасения его имеют неские основания. Пример печальных дней 1919 г. в Екатеринодаре, приводимый им, когда дипломатия (вернее — правительство) действовала, не имея за собою реальной силы, совершенно справедлив. Тогда в столице Кубани, участие в событиях принимали две власти, и власть неказачья, ведя определенно противоказачью политическую игру и опираясь на реальную силу, творила незаконные руками самих же казаков, хозяев края.

Перебирая теперь в памяти события того времени и вспоминая все предшествовавшее им задолго вперед, приходится согласиться, что все происшедшее в ноябре начало подготавливаться в добровольческих кругах постепенно и обдумывалось задолго до событий.

Как известно, несмотря на напряжение на фронте, была снята и доставлена в ст. Пашковскую целая Кубанская дивизия невольных казаков под командой опричника Покровского. В этой дивизии был и мой полк и сам я был невольным казаком, хотя в дни событий я уже не был в полку, а лежал в Екатеринодарском госпитале и уже начал подниматься от тяжелого ранения, выведшего меня совершенно из строя. Это было время работы знаменитого тогда ОСВАГа. Вспоминаю теперь оживленную работу агентов ОСВАГа, подготовлявших к предстоящим событиям общественное мнение. Один такой агент, вольноопределяющийся кирасирского полка, заезжал и в наш лазарет читать лекции на тему о том, что казаки не могут жить без опеки русских и что Рада и правительство Кубанские только вредят общему русскому делу.

В то время я еще не мог по слепоте (в буквальном смысле) сам читать газеты и отстал от политики. Спокойно слушать осважного оратора я не мог, волноваться же мне было запрещено во избежание осложнений. После одного горячего спора с этим осважным оратором, окончившимся для меня обморочным состоянием, мне вообще запрещено было приближаться к аудитории.

Таким образом, перед моими глазами наглядный пример того, как политика бывает вредна для тех, кто ее избегает и не интересуется ею, и как она бывает полезна, если ею умеют пользоваться для достижения своих целей. В то время, как в казачьей армии проводился принцип — „армия вне политики“, целые агитационные составы поездов со здоровыми и сильными людьми занимались политикой во вред Казачеству, оставаясь в тылу, не смотря на чрезмерное напряжение фронта. Когда до ранения я еще был в полку, я газет не только что не читал, а даже не видал их. Они до нас не доходили, а если бы и доходили, то было не до них за непрерывными напряженными боями. Приходилось узнавать о том, что делается на Кубани, от приходивших в полк пополнений, от возвращавшихся по излечении казаков и офицеров. А воюя, казаки с жадностью ловили каждую весточку с Кубани и все переживали остро. Припоминаю случай, когда по излечении из лазарета вернулся мой младший офицер, хорунжий Д., и довольно ярко и подробно осветил все, что делается на Кубани и главным образом в Екатеринодаре. В сотне тоже было заметно действие привезенных вестей. Казалось, что между мной и сотней оборвалась какая то нить, позволявшая раньше лучше и легче понимать и чувствовать друг друга. Почувствовав изменение настроения сотни, я спросил вахмистра, не знает ли он привыч этому? Тот ответил, что казаки хотели бы посоветоваться со мною по поводу привезенных хорунжим вестей. Что я мог сделать, будучи сам невольным казаком, а просто орудием в руках других и тем более без всякой ориентировки, с одной только жертвенной любовью к родному Краю и Казачеству? В это время, будучи вызван

в штаб, я получил боевое задание и возвратился к сотне. Я все же нашел время собрать сотню для собеседования.

На мой вопрос, что казаки хотят знать и спросить у меня, они просили поделиться с ними мнением, как я смотрю на вести, привезенные хорунжим, причем один урядник, не дождавшись, пока я начну говорить, высказал мнение: „Если правда, что говорит хорунжий насчет Рады, то наше дело — идти защищать отцов от добровольцев“. Что я мог ответить на это, когда я сам был уверен, что мы боремся за наш Край, за покой и счастье наших отцов, матерей и семей, оставленных в станицах; никогда не допускал мысли, что в тылу у нас окажется противник, который будет угрожать нашим семьям? Что я мог отвечать сам невольный казак, не читавший газет и не знавший сам политической обстановки, так как в Сальские степи не очень то легко доходили вести с Кубани? Единственный ответ, что я мог дать казакам: „Вы видите, что я сам не читаю газет и меньше вас знаю, что делается на свете. Правда хорунжий говорит, и я верю, но это пока только слух и еще ничего нет. Сейчас мы воюем и должны выполнить наш долг, и я не думаю, чтобы то, о чем говорят, случилось... И с тяжелыми нерадостными мыслями пошли мы в бой.“

Недолго после этого пришлось мне водить казаков в бой. Скоро я был тяжело ранен. И только после рывкового дня я встретил несколько офицеров-однополчан, которые подогреты вином и пропитанные духом служения общероссийским интересам за счет своего Края, похвалялись в даже как будто гордились, рассказывая, как они, четыре или пять человек, участвовали в военнополовом суде вместе с полк. Раздиряшиным, подписав смертный приговор Кулабухову.

Вот что значит политика. Русские политики так ловко сыграли, что руками невольных казаков совершили насилие над душой казачьего народа. Опасения А. Тырина заслуживают особенного внимания. Думаю, что во многих казачьих организациях, а также в ячейках дивизии, где сильно еще неказачье влияние, проводится принцип, что казаки должны быть вне политики, насаждая в то же время среди казаков идеи, что казаки без русской опеки жить не могут. В настоящее время я не имею живой связи с казаками дивизии и не знаю, изменилось ли положение вещей за эти 7 лет, как я принужден был оставить дивизию в 1924 г. после возбужденного против меня и другого инвалида, казака А., судебного процесса, обвинявшего нас в самостоятельности. Ген. Зборовский, который старался изгнать все казачье из казачьей дивизии, дабы оно не мешало насаждению общерусской политики, постарался отдалить нас от дивизии. Мой друг по несчастью А. и по-сейчас живет в Сербии и имеет общение с казаками, которые живут недалеко от него и которые уже осознали себя. Недавно он в письме ко мне писал, что группа казаков спросила Атамана, куда а с кем ведет он нас и не сбился ли он с казачьего шляха на московскую дорогу, подобно Богаевскому? И Атаман ответил, что ведет казаков в свой Край на Кубань. Военная тактика при выполнении боевой задачи не доставляет ее исполнителю полной свободы в выборе путей для достижения намеченной цели, лишь бы задача была выполнена с наименьшей затратой труда, времени и средств... Хвала и честь такому атаману. Однако и самим нам, казакам, не надо спать, а надо научиться видеть ясно и определенно свои цели и не идти в слепую, ощупью, и научиться разбираться в политике, чтобы не повторилось позорных для Казачества ноябрьских дней 1919 г., когда невольные казаки запятали свои руки невинной кровью мученика за казачье дело. За мечу, что раз казаки будут политически грамотны, то в момент, когда они придут на Кубань, они сумеют быстро построить свою государственную жизнь на чисто казачьих началах.

Реальная сила тогда делается могучей и несокрушимой, когда она поддержана моральной силой, силой идеи, любви к своему Краю, к своему прошлому, что воодушевляет нас жертвовать жизнью. Это русские по-

литики называют „любовью к своей станичной колонне“.

Чем сильна наша казачья лава? Да тем, что всякий казак в лаве действует самостоятельно, но действия всех подчинены умелому водительству одного, действующего по известному плану и направляющего эти действия всех к одной цели. В лаве воля каждого незримо связана с волей руководителя и эта связь духовная и дает силу казачьей лаве. И если стремление и воля нашего атамана духовно связаны со стремлениями казаков, его избравших, то успех дела освобождения казачьих краев можно считать наполовину обеспеченным, и дай ему Бог удачи и мудрости избрать путь, который бы не потребовал таких морей казачьей крови, какие были пролиты раньше, и чтобы в результате казаки не оказались снова в той же неволе, как и раньше.

Есаул Н. Посохов.

Италия, апрель 1931 г.

Самостийники ли казаки.

... Второй отпор был последним, который Казачество оказало Деникину на линии Царицын—Карповка и дальше на запад по северной границе Дона. Закрепившись на этой линии, бывшей когда то границей Волжского Казачества, казаки достигли своей цели. Но не этого хотели неделимцы, они продолжали свою политику „на Москву“. К тому времени на фронт дошли уже слухи об убийстве председателя Куб. Рады Рябова. Как Деникин не маскировал убийство, но казаки, которые служили в Ростовской разведке, раскрыли всю гнусность поступка неделимцев. Ясно стало в какую ловушку хотели завести Казачество. Не понравились неделимцам слова Рябова: „нам, казакам, нужно создать свое правительство и армию не в Москве, а по дороге в Москву, иначе будет поздно“. Но Деникин уже к тому времени развоевался: объявил войну Грузии и Украине. Снял в Воронежского направления Куб. Стрел. полк, который послал на побережье Черного моря, усмирять самостийников Грузии. А сам из Екатеринодара переехал поближе к Москве в Таганрог. Потом оттянул с фронта чут ли не две дивизии — наказать „изменников“ и на одном из них затаил веревку на шею. Этот злочин окончательно убил у казаков волю к борьбе. Мертвый Кулабухов оказался сильнее всех живых предателей Казачества. Это произошло в 1-х числах ноября, а к концу этого месяца Деникин видел уже плоды своей работы: с фронта стали уходить не только сотни и батальоны, но и целые дивизии. Так например в дивизии „Д“ остался на лицо сам нач. див., нач. штаба и еще несколько человек из конвоя, а казаки и горцы все ушли в родные аулы, станицы и горы. О чем думали ушедшие, об этом пояснять излишне.

В это время я встретил в г. Царицыне генерала Б. Он страшно возмущен был последними действиями неделимцев, а особенно резко высказался о Кубанском В. Атамане Филимонове, допустившем то, что московские ваньки повесили казака, народного избранника. После этого, говорил он, мы остались без казаков. Есть еще одна надежда, это создать свою армию, но кажется и это уже поздно. А на прощанье добавил: „Жаль, что меня с дивизией не послали в Екатеринодар, я бы показал им, что мы люди казацкого рода...“ А когда я ему сказал о составе пластунских бригад, он махнул левой рукой: „Ну, значит, увидимся на Кубани. Жаль, что столько жертв положили напрасно. И зачем было с этими ваньками огород городить!.. Передайте казакам, оставшимся на фронте, чтобы держались хорошо, а тем более при отступлении, иначе все погибнем.“

Как тяжело было слушать этого героя, никогда еще не отступавшего перед врагами.

Таким положением „белого“ тыла, конечно, пользовалось красное командование. По всему вероятно и сам красный главковерх не знал прежде, чего же хотят казаки. Тут только, после всего случившегося в тылу и на фронте, он делает маневр, переводит свою кавалерию на Воронежский фронт и одним коротким ударом разбивает неделимцев. Подобно Колчаку, Юденичу и Миллеру, покатила единая неделимая

к исходной точке... Тут то Деникин видит, что без казаков он, как рыба без воды; делает еще одну уловку, готов дать казакам все, что они захотят, — и свою армию и неприкосновенность казачим избранникам и т. д., но было уже поздно. Оскорбленное чувство человеческого достоинства не купишь никакой ценой...

А. Чекин.

Еще о с'езде.

В виду возникшей полемики между атаманом Донской станицы в Париже г. А. Лысенковым и г. Ш. Ниминовым, по поводу казачьего с'езда, я, как один из первых, начавших эту „затею“, считаю нужным еще раз высказаться на эту тему.

Стан. Ниминон считает с'езд казаков несбыточной мечтой, притом заранее находит с'езд не только нежелательным явлением, но и вредным делом.*) Несмотря на доказательства, до некоторой степени не без основания, почему он вреден остается все же таки странное впечатление от прочитанных заметок. Или же ст. Ниминон является политиком „высшего тона“ с холодным, математическим предугадыванием будущности, или же здесь была проявлена просто охота подразнить казаков „разочарованием“, как бывало он любил подразнить своих товарищей — Манджика и Санджика. В первом случае политика не казачьего толка, а в другом, если и казачья „повадка“, то с плохой стороны.

Если бы, по рецепту с. Ниминона, все так рассуждали и раскладывали свою политику, разбивая на отдельные элементы: чаяния, действия и учитывание момента на десятки, сотни лет, руководствуясь, исключительно, холодным рассуждением, то нужно сказать, что идея освобождения Казачества упадет сама по себе, не находя за собой последователей. Наше счастье заключается в том, что казаки в основе своей психологии чужды „холодной полдтики“ и всю жизненность идеи нужно приписать всецело натуре, а это обстоятельство и является главным фактором в достижении поставленной цели. Дорога наша „не усеяна“ только холодно-логическими выводами, она не лишена сентиментов, проявленных в поэзии, песнях, и, иногда, нужно, действительно, признать кормимся самообманом в понятии с. Ниминона. Для нас нужно поддержать священный огонь Идеи Казакии не только силой веры в будущее, но и своим собственным темпераментом, почему для меня вполне понятна политика атамана Лысенкова при организации станицы и нет ничего тут опрометчивого. Да разве не опрометчив ли взгляд г. Ниминона? Не все разрешается, именно, так, как предполагается. Если к созыву с'езда имеется много трудностей, ничто не говорит за его ненужность, наоборот осуществление его приобретает для нас тем большую ценность, что через него мы первый раз высказываем официальную мысль и начинаем первый этап борьбы за волю в глазах общественного мнения Европы. А чтобы достигнуть успеха, необходима вера в него и добрая воля. Мы теперь рассеяны; у нас нет официально объединяющего начала — авторитета. Движение Всльного Казачества пробудило национальное чувство у казаков, но не у всех, а те, кто читает журнал, не является обязательно активным участником движения; чувствуется, именно, что все выжидают, когда это движение примет определенно общеказачью форму. Чувствуется нами всеми этот переломный момент в большой психологии „казака-русского“ и нужен определенный сдвиг вперед. Этот Гордиев узел и разрубится общеказачьим с'ездом. Может сам с'езд и не удасться на 100%, в это, конечно, трудно верить, но последствие с'езда решит, кто с казаками, а кто против, а для нас это очень важно, ибо мнение Европы как раз стоит перед двумя казачьими проблемами, в общем ничего не говорящими. Для полноты картины приведу аналогию из жизни. К критически больному призван консилиум докторов, из которых каждому представляется высказать свою мысль

*) От ред. Очевидно станичник Еремеев не понял правильно г. Ниминона, т. к. последний совсем не является противником с'езда, а только говорит о трудностях его созыва.

в присутствии больного. Положение болезни неопределенно, больной же требует разрешения вопроса. Устанавливается общее мнение, что необходима операция для успешного закончения болезни, а один из консультантов определенно высказывается против операции и пророчит долгую и неопределенную болезнь в дальнейшем, взамен риска оперирования. Последним консультантом в болезни казачьей и является г. Ниминов. Можно догадаться, как примет больной его совет. Много было обращено внимания на освободительный процесс освобожденных государств и нигде мы не находим, именно, такой последовательной расчетливости „без операции“. Если процессы тянулись у них сотни лет в ожидании соответствующей конъюнктуры, то это не говорит, что казаки начали это движение 3 года тому назад, как это выходит по выводам г. Ниминова. На протяжении истории освобождения, допустим, Польши мы встречаемся все время со вспышками „безумия“, с

явной нерасчетливостью борющихся против насильников и нет ни одного такого момента в борьбе, когда достижение известной цели являлось продуктом заранее глубокопродуманной мысли. А разве такие восстания не становятся блестящую страницу в истории народа? Восстание Булавина не было тоже расчетливым, а не составляет ли оно для нас бесценный исторический клад? Природа освободительного движения базируется на уверенности в справедливости своего дела и нет никакого основания погружаться в философические рассуждения, что нас ждет впереди и, именно, ждать неизвестного. Моральное право наказывает оставить за собой на эмиграции исторический момент пробы объединения для общей борьбы. Нам нужны люди с сильной волей, твердой уверенности, а это дается только после достигнутого нами с'езда.

Вл. Еремеев.

1 мая 1931 г. Польша.

Казачий разговор.

Есть масса двуногих и четвероногих существ, которые существуют только для того, чтобы существовать.

Шопенгауэр.

После одного казачьего собрания я с верхнего этажа спустился вниз, в бистро. За двумя столиками сидят казаки, бывшие на собрании. Слышно „гарсон, кафе-крем“, „гарсон, де-бало“. Кто-то замечает: с каких это пор казаки стали постниками! Подхожу, присаживаюсь. Два казака-офицера, донец и кубанец, полчаска тому назад ожесточенно спорившие на собрании, оживленно, но совершенно мирно, по казачьему откровенно беседуют на самостийную тему, а остальные внимательно их слушают.

Донец, Андрей Петрович — самостийник; кубанец, Сергей Карпович — „несамостийник“.

— Ну, что вы, Сергей Карпович, так артачились на собрании, — говорит Андрей Петрович. Ведь мы, самостийники, говорим о казачьей боли, о страданиях казака, о правах и жизненных интересах Казачества, о лучших путях его спасения. А я знаю, что и вы казак душой и телом, так же, как и мы, страдаете за несчастную долю казачества...

— Верно, что все мы казаки, — отвечает Сергей Карпович, — все мы страдаем за судьбу Каз-ва, но с вами, самостийниками, я не согласен...

— Ну, хорошо. Вы — несогласны с нами, но вы желаете лучшего будущего Казачеству, желаете ему счастья, свободы, воли. Так вот, скажите — каким образом, какими путями, идя с кем вы думаете достигнуть это лучшее будущее? Мы, самостийники, говорим определенно: лучшее будущее возможно только при самостоятельном существовании Казачества, а вы с нами не соглашаетесь и думаете найти лучшее будущее в составе когда то должествующей прийти „Великой России“. Каким это образом, по вашему, может случиться, если все русские политические партии, течения собираются укокошить казаков, Казачество? Ведь никто из них не признает за Казачеством права быть хозяином на своей земле!

— Нам и не нужно их признания, мы должны взять свое право сами...

— Вот тебе на! Значит, за естественное казачье право быть хозяином на своей земле вы готовы биться и с оружием в руках, даже и против Москвы? Ведь то же самое говорим и мы, самостийники. Так зачем же вы восстаете против нас?

— Восстаю против вас я потому, что на вашей резкой самостийной позиции нельзя объединить всех казаков, а нам, чтобы взять и укрепить свое казачье право, надо действовать объединенно, единым фронтом. Только при полном единстве всех казаков еще можно надеяться добиться казачьей свободы, вольности...

— Так, значит, по вашему, мы — „резкие самостийники“ а вы — „не резкий самостийник“. Только в этом

и разница? Стоило ли тогда так восставать против нас, ломать копья?

— Нет, не только в этом разница, но и в другом, в основном. Если хотите я в известном смысле самостийник, самостийник с точки зрения больного русского понимания казачьих „прав“. Я казак и за казачьи права, как я их понимаю, готов жизнь свою отдать, но я не с вами. Вы добиваетесь полной самостоятельности, а я этого не хочу. А знаете, почему? Во-первых — совершенно самостоятельная жизнь была бы трудна; во-вторых, как я уже сказал, на вашей позиции нельзя объединить всех казаков, а в третьих — вы раскрываете преждевременно карты нашим противникам, т. е. русским...

— Неужели вы собираетесь составлять единый фронт и с „кирилловцами“?

— Нет, они не в счет, ибо они уже не казаки, это отрезанный кусок. С ними кашу не сварить... Если исключить „кирилловцев“, то все остальные казаки самостийники. В Казачьем Клубе все ваши противники, там только один ваш человек. Этот ваш сторонник однажды был поражен, услышав от своих противников чисто самостийные заявления. После одного заседания Совета Старшин шла частная беседа. Разговор зашел, как обычно, о самостийниках. Между прочим, куда теперь ни придишь, везде и всюду говорят о вас, о вашем течении. Так что вы теперь модные люди... В Клубе этом есть один ваш отчаянный, противник, приписной терский казак, родом грек. Он стал поносить вольных казаков. Кто-то с ним полусогласился, сказав, что они, вольные казаки, немного раньше подняли вопрос о казачьих правах, с этих вопросом, мол, надо было еще потерпеть чтобы не раскрывать преждевременно карты своим противникам...

— Не вы ли это были? Вы же только что говорили об этих самых картах?

— Нет, не я... Есть там, в Клубе, один старичек, противник вольных казаков. Так знаете, что он ответил на это полусуждение вольных казаков? Он с таким остервенением крикнул на этого „полусоглашателя“: До каких же это пор мы будем молчать! До каких же это пор мы будем выносить поношения, издевательства русских?!

К этому старику присоединился третий, говоря, что вольные казаки по существу правы, но только они своим слишком боевым тоном, молодым задором, чрезмерной идеализацией казачьей старины немного отталкивают нас, людей старого поколения, воспитанных на русской культуре, психологически уже отделившихся от старого Вольного Казачества и приблизившихся к Москве, принявших ее толкование природы и сущности казаков. Двести лет нам толковали, что мы, казаки, „плоть от плоти, кровь от крови“ русские и мы, люди старого поколения, это московское толкование уже настолько восприняли, что теперь нам чрезвычайно трудно психологически избавиться от этого воспитания. А казачья

масса, нетронутая специфическим московским воспитанием, еще крепка, в ее душе еще крепко сидит естественная любовь к казачьей воле. Вот почему семья, брошенное Вольным Казачеством, группой казачьей интеллигенции, уже осознавшей свою казачью особенность, попало на хорошую, готовую почву, дали обильные ростки и казачья масса пошла мимо нас... Вот как рассуждает каждый честный казак, даже ваш противник...

— Все это хорошо, мы это знали и так, но вот что совершенно непонятно: почему они, „люди старого поколения“, так хорошо сознавая настроение и стремление казачьей массы, „восстают“ против В. К.? Ведь это же значит, что они сознательно идут против казаков, хотят им навязать свое извращенное понимание казачьих интересов, насильно повести казаков по тому пути, по которому сами казаки идти не желают?..

— Тут, конечно, причин много. Такие люди, как я, например, „восстают“ против вас потому, что считают ваше дело неосуществимым. Но много таких людей, которые „восстают“ против вас только на людях, а у себя дома целиком вас одобряют. Этого требует „приличие“... Много и таких, которые сидят молча, гадая — кто победит, которые к вам будут забегать с заднего крыльца, но свою прикосновенность к вам будут всечески скрывать. Но есть и такие, которые, в качестве „вождей“, хотят только управлять казаками, а не подделяться под их настроение...

— Ну, брат, этот номер не пройдет. Казаки уже не дурачки, которых можно вести за нос, как „Мишку“. Кроме того у самих этих „вождей“ нет никаких путей. В этом я вполне убедился, когда однажды долго и откровенно беседовал с нашим Атаманом. Я его спрашивал о возможных путях спасения погибающего Казачества. У него таковых не оказалось, кроме неопределенных рассуждений о служении России, о спасении ее. При этом выяснилось, что у него нет определенного пути и для спасения России. Оказалось, что он ставит свечки почти всем русским „богам“, начиная от Милюкова: чья, мол, возьмет! Исчерпав свой несложный запас аргументации в пользу „Великой России“, он поспешил перейти на свою „любимую“ тему: на поношение В. К. (Очевидно, если бы не было В. К., то у него не о чем было бы говорить с казаками). И тут ни одного путного, членораздельного возражения против вольных казаков привести не сумел. Наконец, он выпалил свою „страшную бомбу“: вольные казаки, де, получают от иностранцев 30 тыс. крон. Это, мол, преступление. Этим он, вероятно, хотел „убить“ меня. Я ему ответил: получают или нет вольные казаки от иностранцев деньги — не знаю. Но раз серьезный и единственный казачий журнал аккуратно, как заведенная машина, издается, то надо полагать, что на его издание имеются какие то средства. Мы, казаки, можем быть только благодарны тем, которые нашли средства и продали большое казачье дело. Но вот я никак не могу понять, почему вы собираетесь судить тех, кто из ничего создает серьезное казачье дело, находят на это средства? Странно, что собираетесь судить именно вы, люди казачьи средства расточившие, ничего для них не сделавшие и ничего на пользу казаков во вне не находящие! Если, как вы говорите, иностранцы дали на казачье дело неизвестным людям 30 тыс. крон, а на дело „Великой России“ не дают и ломанного гроша, то не подсказывает ли это вам тот путь, на который вы, по долгу казачьего избранника, ответственного за казачьи страдания, обязаны стать. Давшие неизвестным людям 30 тыс., дали бы вам, формальной главе старейшего Войска, три миллиона. А разве от этого было бы плохо казакам? Вашу ложно-гордую позу я для себя объясняю так: для того, чтобы иметь возможность мечтать о нереальной „Великой России“, вы приносите в жертву реальных казаков, родное Казачество, сознательно отказываясь от возможности облегчить тяжкие страдания казаков, в изгнании сущих...

После моей такой тирады, атаман выпучил глаза. Дело в том, что он до сего времени относился ко мне очень хорошо, принимая меня за верного своего сторонника и совершенно не ожидал с моей стороны такого „пассажа“. А меня взбесила его беспомощность, политическая беспутница, блуждание между двух сосен

с одной стороны, а с другой — его несправедливое, недоброе, очевидно, рожденное из зависти, желание оклеветать, „смазать“ тех, кто сейчас единственно делает большое и важное казачье дело, доставляя казакам большую духовную пищу, в виде журнала „ВК“, пробуждая и укрепляя угасавшее, было, казачье сознание...

Окружавшие и внимательно слушавшие Андрея Петровича казаки выражают ему свое удовольствие за правильное казачье слово.

— Что у вас было с атаманом меня не касается. Это дело Ваше, Донцов, мы, Кубанцы не вмешиваемся. Я вам здесь высказывал только свои мысли, свое понимание казачьих прав, интересов и тот путь, который, по моему, легче и скорее может привести нас к желанной для всех нас цели: равноправный со всеми другими народами Казачий Штат в Российской Федерации. Во имя этой основной цели — объединение всех живых сил Казачества; борьба единым казачьим фронтом за это свое право, а если Москва заартачится, то и вооруженная борьба, — говорит Сергей Карпович.

— Позиция, как будто довольно определенная, но не совсем. Во всяком случае с такими федералистами еще можно по человечески разговаривать. В том, что вы сказали, много неясностей, можно сказать, из нашего дела ничего не выйдет. У вас политическая тактика такая, что она неизбежно приведет к тому печальному опыту, что мы проделали в 1918-20 гг.: к разгону казачьих верховных представительных органов, к преданию суду, к повешению народных представителей новыми русскими антибольшевицкими силами, новыми „вождями“. Вы говорите — федерация с Россией. Этим самым вы становитесь спиной ко всем тем народам, которые борются за свою независимость и остаетесь лицом к лицу с Москвой, один на один. Совершенно естественно, когда вы пожелаете защищать казачьи права с оружием в руках, то у вас не будет никакого союзника...

Мы же говорим — самостоятельное казачье государство. Наша тактика — единство Казачества, а затем — единый фронт с соседними народами. А когда мы добьемся своей цели: освободим родное нам Казачество, укрепим его самостоятельное государственное бытие, тогда мы смело, без всякого опасения, что какойнибудь новый барин сядет на казачью шею, можем говорить с кем угодно о федерации, конфедерации: славянская федерация, европейское объединение и т. д.

— Больно высоко хватили, — смеется Сергей Карпович. Мы федералисты в пределах б. Российской Империи. Дальше пока не заглядываем. По нашему, это достижимо.

— Вы — псевдо-федералисты. Вы хотите „жалованной“ федерации от России...

— Конечно, было бы хорошо, если бы все так случилось, как вы думаете: ни от кого независимое, свободное, вольное Казачество, живущее на равных правах со всеми другими народами, ставшее действительным хозяином на своей Земле; но, к несчастью, ваша цель неосуществима. По крайней мере я не могу поверить этому, ибо слишком много врагов на этом пути...

— В том числе и вы и вам подобные...

— Я не могу идти с вами, даже буду „бороться“ против вас, но... как я был бы рад и счастлив, если бы ваше желание осуществилось...

— В этом как раз наше, казаков, несчастье, что люди подобные вам, в душе желая осуществления программы В. К., на людях борются против него. Но, несмотря на вашу отчаянную „борьбу“, В. К. уже успело за то короткое время, что существует, сделать большое и казачье дело...

— В чем это выразилось? Я ничего не вижу...

— А что же вы хотите, чтобы это дело стояло перед вашими глазами, как Триумфальная Арка? Дело В. К. невидимое, но постоянно расширяющееся дело. Вы понимаете глубокий смысл того, что теперь чтение журнала „ВК“ для казаков сделалось такою же необходимостью, как, скажем, в известное время дня каждый из нас имеет потребность пообедать? 12-го и 27-го числа каждого месяца, когда получается очередной

номер журнала, для всех нас является днем „парадного обеда“. Если же по какому либо поводу журнал опоздает на один день, то не знаешь, что делать, не находишь себе места...

— Если это считать делом, то это верно. Я с вами совершенно согласен. Даже я ваш противник, с большим нетерпением жду получения очередного номера журнала. Чтение его сделалось для меня как бы потребностью.

— Это то как раз и есть большое и важное дело, проделанное уже Вольным Казачеством: сделать чтение политического казачьего журнала необходимейшей потребностью каждого казака. Пробудить и укрепить казачье политическое сознание! Это есть разум-

ное и обильное удобрение почвы, на которой со временем произростут обильные плоды, заключил свою беседу Андрей Петрович.

Сергей Карпович, не соглашаясь с политической программой В. К., все же вынужден был, с некоторым сожалением, признать, что В. К. является в казачьей эмиграции единственным серьезным политическим движением, имеющим ясное и определенное лицо, встречающим огромное сочувствие среди казачьей маюсы, находящим живой отклик, а журнал „ВК“ — единственный журнал, дающий большой и обильный материал из казачьей жизни, так правильно уловивший сокровенные думы казака и так созвучно поющий в унисон с его душой...
Шамба Балинов.

Казачья эмиграция.

В Париже.

3 мая в помещении ресторана „Марсель (Billancourt)“ состоялся сбор Донской станицы в Париже. Многолюдный Сбор прошел с большим оживлением, под'емом. На повестке дня стояли два вопроса: 1) выборы нового Атамана, вместо отказавшегося Лысенкова, который по роду своей новой профессии (таксист) не в состоянии в дальнейшем выполнять обязанности атамана и 2) обсуждение вопроса о постройке „Казачьего Дома“.

По первому вопросу единогласно был избран Атаманом станицы А. Н. Трофимов, б. член Донского Круга, офицер Донской Армии, потерявший в войне один глаз. Затем вновь избранный Атаман, поблагодарив сбор за доверие, сделал большой обстоятельный доклад по второму вопросу повестки дня.

По мнению докладчика, все существующие казачьи организации — станицы и хутора мало проявляют полезной деятельности, чем объясняется и малый интерес казаков к такого рода организациям. Они скоро рождаются, столь же скоро умирают, а какие существуют, то большей частью только на бумаге. Пример — „Казачий Союз“ Н. М. Мельникова, который всюду похвалится своими, кажется, 180-ю станицами. Это, ведь, больше чем вся Донская Область! А жизни, полезной деятельности, реального дела никакого! Объясняется это просто — все эти станицы большей частью существуют только на бумаге, в большинстве случаев для того только, чтобы в нужный момент вынести верноподданнические постановления тому же самому Мельникову, или же в год раз, в день какого нибудь праздника, устроить вечеринку. Этим объясняется и то, что никто из членов существующих организаций почти не интересуется жизнью своей организации, потому что нет ни одной организации, построенной на принципе материальной заинтересованности своих членов.

И наша станица, если мы не сумеем создать какое нибудь реальное дело, которое может живо заинтересовать членов станицы, будет влачить такое же жалкое, бумажное существование, как и многие другие; также успешно, через некоторое время, умрет, как многие станицы, в эмиграции возникшие, уже поумерли. Поэтому работа нашей станицы должна протекать в двух направлениях: 1) чтение докладов и лекций по казачьим вопросам, чтобы познать самих себя: кто мы, казаки, и что мы. На самом ли деле мы — беглые преступники, как нас выдают другие, или что нибудь другое? и 2) попытаться создать какое нибудь реальное дело, в котором все члены станицы были бы материально заинтересованы, когда все они будут внимательно следить за жизнью своей организации, будут всячески помогать. Без такого постоянного интереса и помощи всех — никакая организация не может существовать и что либо делать. Например, попытаться построить „Казачий Дом“, не дом дешевых квартир только для своих членов, но обыкновенный большой дом отельного типа, на доходы с которого мы затем могли бы хоть немного облегчить жизнь наших стариков, инвалидов, путем приобретения неболь-

ших участков земли, разведением на них своего собственного хозяйства. Когда жизнь нашей организации наладится, то можно попытаться организовать свой ресторан — дешевую столовую, продуктовую лавочку, ночлежку и прочее. Но все это потом, когда мы достигнем самого главного, когда будем иметь свой Дом, управление которым проще, проверка финансовой части дела доступна, легче.

На первый взгляд такая мысль покажется дерзкой, проэкт — фантастичным. Но если приглядеться лучше, если хорошенько продумать этот вопрос, то он не так уж страшен, как кажется на первый взгляд. Нужна только одна маленькая штука: добрая воля казаков и взаимное доверие, а все остальное легко осуществимо. Горько и больно сознавать, что имея большие возможности, доступный способ хоть кое как обеспечить более или менее человеческое существование на случай старости, инвалидности, казаки до сего времени не прониклись доброй волей и взаимным доверием и ничего до сего времени не создали.

Большое преступление совершат перед самим собою те, которые подумают и скажут: я — мелод, ни в чем не нуждаюсь и ничего мне не надо. Никто из нас не гарантирован, что каждый из нас завтра может стать инвалидом и очутиться под забором. Не дай Бог этому случиться, но любой из нас может утром пойти на завод здоровым, а через час вернуться полным инвалидом. Несчастье может случиться с каждым из нас. Куда тогда пойдем? К нашему стыду и несчастью, сейчас нет ни одной организации, где казак мог бы рассчитывать на помощь и человеческое к себе отношение. Наши „вожди“ ничего не сделали и не делают. Надо хоть казакам самим подумать о своем будущем. Десять лет тому назад все мы были молоды, здоровы, но теперь у многих из нас начинают то бок болеть, то спина. Раньше заводы принимали на работу всех, а теперь говорят, что старше 40 лет нам не нужны, а там могут сказать — подавай нам не старше 30-ти лет. Куда тогда пойдем и на что можем рассчитывать? Мост Александра III, а там тигулевка? И вот перед такой страшной перспективой каждый из нас не может не призадуматься сильно над тем, что его ожидает в будущем. А когда призадуматься, то невольно в голову приходит мысль о самоорганизации, взаимопомощи. Такая возможная тяжелая будущность должна породить в нас добрую волю и взаимное доверие, а когда эта добрая воля и взаимное доверие будет в нашей организации, тогда мы можем сделать большое дело, в частности сумеем построить и „Казачий Дом“.

Большой доходный дом отельного типа, скажем, сто-ит 500 тысяч франков. Страшная ли эта штука? По моему, нет! Нас, казаков, здесь, в Париже, тысячи. Пусть среди них найдется хотя бы 200 человек, которые примут нашу идею и пожелают ее осуществить. Тогда дело сделано. Двести человек, одушевленных одной идеей, толкаемые доброй волей, проникнутые взаимным доверием, готовые во имя своего же личного будущего нести некоторую материальную жертву, пока он силен, здоров, и может зарабатывать, могут достигнуть мно-

гого. Такое дело можно делать только на паевых началах. Если определить размер пая в 1000 фр., то у нас будет капитал в 200 тыс. фр., а с таким капиталом мы можем немедленно приступить к постройке дома. Это не размышление мужика над не убитым зайцем. Нет, это вполне достижимая реальная цель. Сейчас немногие из нас в состоянии внести сразу свой пай в 1000 франков, но в течение года небольшими ежемесячными взносами каждый из нас может внести свой пай. Пусть сейчас у нас нет 200 человек, пусть начнет это дело 40—50 чел. Но когда другие увидят, что здесь начинают серьезное и интересное дело, что люди идут во имя общего дела на материальные жертвы, тогда к нам придут, у нас будут не 200 человек, а больше.

Надо только начать дело, надо организовать. Казаки сами из своей среды должны выбрать людей, заслуживающих их доверие, которые повели бы это дело.

В последовавшем затем оживленном собеседовании ярко отразились горькие думы собравшихся по поводу печальной доли казаков в эмиграции, мучительные размышления над тем, что их ожидает в будущем и страстное желание создать какое то реальное казачье дело, что могло бы смягчить удары жизни, немного скрасить нерадостное настоящее, служить опорой в случае беды, несчастья...

— С искренней печалью и хорошо говорил старик Евтухов по поводу того, что наши „вожди“ ничего не сумели сделать и нас бросили. С большим подвигом призвал присутствующих к самоорганизации, взаимопомощи, призвал не откладывать дело в долгий ящик, а скорее приступить к осуществлению своей идеи и тем доказать, что и мы, казаки, сами способны хорошо владеть ни только шашкой и пикой, но столь же хорошо работать и головой и дело делать. Говорил, что судите людей по делам их. Если простой казак хорошо делает казачье дело, то он для меня дороже всякого генерала. Но также нельзя отвергать человека потому, что он генерал. Если генерал честно делает казачье дело — он наш человек. Не надо смущаться, что у нас ничего нет, что, мол, люди и получше нас до сего времени ничего не сумели сделать. Кто лучше, кто хуже — покажет дело. А что мы бедны материально, то за то мы богаты духом казачьим, казачьим сознанием. Если мы сумеем организовать, проникнуться доверием друг к другу, то и богатства у нас будут. С миру по нитке — голому сорочка!

— С печалью говорил другой старик, фамилию которого, к сожалению, не запомнил, о разброде казаков, о бездействии „вождей“. Стыдно и больно моему казачьему сердцу, когда я вижу, что китайцы, которые так же как и мы, работают на том же самом заводе, за это время, что мы здесь живем, уже успели приобрести в свою собственность чуть ли не половину Бианкура, построили на свои трудовые гроши несколько десятков домов. Потому у них есть организация, взаимное доверие. А мы, казаки, на шиах сидим, по ресторанам таскаемся, друг другу не доверем. Пора проснуться, взяться за дело и показать людям, что казаки еще не умерли, умеют приспособляться к жизни, умеют из ничего создать и творить, а не только прожигать...

— Казак, недавно приехавший из Виши, рассказал свою тяжелую и грустную историю. Он — инвалид, имеет жену и грудного ребенка. Лишившись в Виши места (по болезни), приехал с семьей в Париж, где, как он думал, живет Атаман, „Казачий Союз“, где могут дать совет, помочь на первое время. С вокзала прямо поплелся в Каз. Союз с женою и ребенком. Было 7 часов вечера. Принял их там г. Зенков, спросил, что им нужно? Я рассказал о своем положении. Новый вопрос — а что вы от нас хотите? идите переночевать в отеле! (Голос с места: у них помещение богатое, чистое, простого казака переночевать не пустит!). А у меня не то что заплатить за отель, но и ребенка накормить не за что. Узнал, что в Бианкуре живут казаки. Пошли туда ночью пешком. Пришли. Встретили одного куб. казака. Рассказал о своем положении. Кубанец проникся сочувствием, согласился нам помочь. Пошли по отелям искать ночлег. Нигде семейного не пускают. Встретили других казаков. Все пошли на встре-

чу мне, приютили и вот уже целый месяц мне помогают. Пошел к Атаману Богаевскому. Рассказал о своем положении. Богаевский, выслушав меня скрестил на животе вот так свои руки и печально произнес: казаки все от меня отвернулись, что я теперь могу сделать для вас? Этим вопросом ограничилась вся его помощь.

Это лишний раз неумолимо диктует казакам необходимость самоорганизации, самопомощи, ибо никто им, кроме их самих, в трудную минуту не поможет.

— Другой средних лет Донец, „п्राжанин“, с радостью приветствует идею создания „Казачьего Дома“, вообще идею самодеятельности, взаимопомощи на чисто экономических началах, но предпочитает от внесения в такое жизненно-необходимое для всех нас дело политики. Как только вмешается в дело политика, то сейчас же пропадет и все наше дело. Подальше от политики, подальше от политических споров...

— Горячо говорит и один калмык. По его мнению, казаки в эмиграцию вышли лучше всех других народов, имея во главе своих выборных глав государств — Атаманов, — свои парламенты, свою казну богатую, имея все свои общественные и государственные учреждения и институты, свою армию с полным командным составом, но за десятилетнее пребывание в эмиграции „в низость пришли“. Те, которые в эмиграцию вышли ни с чем, теперь имеют все, а казаки, имевшие все, теперь не имеют ничего, кроме высоких символов, без всякого внутреннего содержания. Нужно, оставив свои тщетные надежды на обанкротившихся „вождей“, самим начать делать дело. Нужно приступить, хоть и поздно, к организации дела взаимопомощи, самодеятельности. Нужно найти в себе доброй воли и проникнуться доверием друг к другу. Пусть нас другие много раз заставляли обжигаться на молоке, но теперь давайте начнем дело делать сами, авось, не обожжемся. Если много раз по чужой указке и на чужие дела губили мы свои рубли, то почему мы должны жалеть копейку на свое личное дело, нами самими начинаемое? Конечно, в свое дело экономической взаимопомощи мы не должны вносить политику, на это время можно отложить в сторону свои политические взгляды и мы должны это сделать, в противном случае, как это здесь говорили, наше дело может распасться. Но вообще то от политики отказываться мы не можем, не смеем, ибо мы — порождение политики и от своей природы отказываться нельзя. Но это не страшно. Пусть собравшиеся здесь проповедают различные политические взгляды, но свою политику мы обязаны делать вне стен нашей организации самопомощи...

— С молодым порывом, но столь же деловито-серьезно говорит молодой донец, который призывает меньше слов говорить, но больше дело делать. Наши отцы и деды не умели красиво говорить, но умели хорошо дело делать. Они из ничего умели создавать большое и великое дело. Они молча, без слов, „Дикое Поле“ превратили в цветущий Край. Мы сейчас нищие, но если в нас не умер казачий дух, если в нас бьется еще казачье сердце, то мы и теперь сумеем найти в себе достаточной силы для создания большого дела, сумеем найти в себе достаточного разума, который найдет и форму и пути — как это сделать. Пусть „вожди“ нас бросили, нехай они от нас отворачиваются, отказываются, но мы должны им доказать, что и мы не лыком шиты. Пай в 1.000 фр., при желании, каждый из нас легко может внести в течение одного года и тут не будет никакой с нашей стороны жертвы, а исполнение своего долга перед самим же собой. Нам сейчас надо выяснить — как это дело начать и с какого конца начать. Для этого нужно посоветоваться с хорошими французскими адвокатами, а на это нужны средства, чего у правления станции сейчас нет. Значит, нам, начинающим это дело, необходимо понести маленькую предварительную материальную жертву. Поэтому я предлагаю присутствующим сейчас же дать правлению, кто сколько может на предварительные расходы...

Говорили и многие другие. Говорили все деловито-спокойно, с сознанием чрезвычайной трудности на пути осуществления задуманного, но также с твердой волей преодолеть их. Идея всех захватила. Все с чисто казачьей откровенностью разбирали все возможные за-

труднения, внимательно обсуждали все возможные пути и способы — как осуществить задуманное дело.

Но не только говорили, но уже кое что и сделали. По инициативе молодого донца, сбор собрал необходимые средства на предварительные расходы, на консультацию с адвокатом. Поручил правлению выяснить вопрос, как можно приступить к делу и о результате своих поисков доложить следующему сбору.

Собрали в пользу казака-инвалида из Виши небольшую сумму.

В заключение, по предложению Атамана, сбор избрал помощником станичного Атамана Ш. Н. Балнова. В правление станицы избраны М. Колесов и А. Тульцев.

Во всех выступлениях казаков красной нитью проходила глубокая горечь по поводу деятельности и поведения официальных донских „вождей“, которые за все время эмиграции не проявили ни одной живой инициативы, не создали ни одного полезного для казаков дела, пустив на ветер имевшиеся казачьи средства и деятельность которых часто выражается только в устройстве балов, танцев...

— До танцев ли нам, до песен ли нам? Неужели мы, казаки, превратились в легкомысленную стрекозу из крыловской басни? — как бы говорили все.

Эта печаль казачья совершенно понятна, ибо положение отдельных казаков, по несчастью попадающих в бедствие, поистине ужасное...

От души нужно пожелать только, чтобы тот порыв, тот подъем, который наблюдался на сборе, не остыл, чтобы эта хорошая идея не умерла, а как можно скорее превратилась в реальное дело.

Добрый час, братья, казаки.

Дай Бог вам успеха в вашем начинании! Дай Бог вам еще больше порыва, да вселит он вам побольше взаимного доверия, доброй воли и вы будете иметь свой „Казачий Дом“ в столице мира — Париже!

Дружнее за работу. Смелее вперед! Не Боги горшки обжигают!

С Богом!

(Соб. кор.)

9-й Станичный сбор Общеказачьей станицы окончивших В.У.З. и студентов в Чехословакии.

Первый в этом году по весеннему теплый, солнечный, воскресный день — 3 мая — не помешал придти на собрание станицы 32 делегатам. Задолго до начала сбора — 9 часов — прибывшие уполномоченные, разбившись на две группы, совещались в двух соседних ресторанах.

Стало известно, что сбор делится на две неравные и непримиримые группы — централистов и самостоятников. Так как этот сбор был первый, после выхода 22 номера „Казачьего Сполоха“, ставшего на платформу Вольного Казачества, то сбор этот обещал быть интересным. И действительно: не успел Станичный Атаман, инж. Приказчиков, открыть сбор, как разыгрался первый „бой“. Началось с того, что из города Брно прибыли делегаты от двух хуторов, тогда как по уставу станицы в одном городе может быть только один хутор. Образование там двух хуторов имеет свою историю, но, в общем, дело было на почве расхождений политических ориентаций — централистической и самостоятельной. Одни требовали, чтобы сперва, до начала сбора, была образована мандатная комиссия для выяснения прав представителей обоих хуторов на сборе, но, чтобы образовать такую комиссию, нужно было открыть собрание. Таким образом, еще до начала открытия сбора возник горячий, мало интересный, казуистический спор.

Наконец, сбор открыт. Атаман предлагает называть кандидата в председатели сбора. Его тут же перебивает атаман Брненского хутора (старого) И. Алейников и напыщенным тоном предлагает: „По существовавшей традиции, предлагаю прежде всего спеть наши казачьи гимны и вывесить наши казачьи флаги“. Сбор соглашается и зала заседания наполняется звуками гимнов, исходящих из тридцати двух молодых грудей.

Так как станичное правление не принесло флагов, то таковые были предложены представителями Брненского хутора, предусмотрительно захватившими их с собой из Брно.

После гимнов торжественно вывесили флаги и приступили к выбору президиума. Но и тут не обошлось без преград. Представители Брненского хутора (старого) пытались делать всяческие отводы против кандидатуры в председатели сбора д-ра М. Т. Гребенникова. Нервничая, часто выходящая из пределов объективности оппозиция из 8 человек-централистов, явно пытающаяся всячески тормозить нормальное течение сбора, надоедает сбору, большинство которого состояло из казаков самостоятников.

Наконец, президиум в составе: председателя Гребенникова, товарища его Алейникова Анатолия (Атаман нового хутора в Брно) и секретаря С. Балыкова занимает место и начинает заседание. Выбранная сейчас же мандатная комиссия начинает проверять полномочия.

Во время работы мандатной комиссии к столу президиума подошел один из представителей Брненского хутора (старого) и, заложив руки в брюки, стал заглядывать в листы. „Что вам угодно, станичник?“ задал ему вопрос председатель мандатной комиссии. „Слежу за вашей работой“ был ответ. „Заключение мандатной комиссии будет оглашено сбору. Прошу вас сесть на место, а не стоять перед президиумом“ — предложил председатель сбора. Сконфуженный станичник отошел и сел на ближайшую скамью. „Прошу пересесть дальше“, преследует его председатель. Было ясно, что станичник мог сидеть на первом стуле и казалось, что он не подчинится, но энергичный тон председателя подействовал на него и он с видом явного неудовольствия покорно пересел дальше.

Мандатная комиссия спор двух хуторов из Брна объективно, на основании раньше бывших прецедентов в жизни станицы, разрешает предоставлением обоим хуторам по три места. Представители старого хутора решением мандатной комиссии не довольны, требуя себе 8 мест. Для разрешения спора оба хутора представляют списки своих членов, в которых оказываются одни и те же лица состоящими в обоих списках и, преимущественно, члены, живущие вне пределов Брно или даже Чехии. Старый хутор, ссылаясь на то, что указанные лица не подавали заявления о выходе из их хутора, числил их у себя, а новый хутор, ссылаясь на письменные согласия их быть членами в их хуторе, числил их у себя. Таким образом возникает неразрешимый на этом сборе спор, в котором представители старого Брненского хутора теряли равновесие и часто отсутствие веских аргументов восполняли излишней нервностью и страстностью.

Сбор соглашается с решением мандатной комиссии. Представители старого Брненского хутора, не соглашаясь получить три места, покидают заседание, при чем пытаются вызвать по телефону полицию.

С уходом их заседание принимает деловой характер и один за одним разрешаются все вопросы повестки. Выслушан доклад станичного атамана, в котором перед слушателями проходят картины энергичной работы старого правления, которое, оставшись без всяких источников существования и с долгами, оставленными старым правлением, за год успевает освободиться от долгов и выпускает 22-й номер журнала „Казачий Сполох“. Выслушивается отчет Ревизионной комиссии и доклад Атамана по редакции журнала. По сделанным докладам сбор выносит следующие резолюции:

1. 9-й Станичный сбор Общеказачьей станицы окончивших высшие учебные заведения и студентов в ЧСР., выслушав доклад станичного атамана о деятельности правления и редакционной коллегии за истекший год и отчет ревизионной комиссии — постановил: доклад атамана принять к сведению, станичное правление благодарить за проделанную в неимоверно трудных материальных условиях работу, и отчет ревизионной комиссии утвердить“.

2. „Станичный сбор, обсудив основное направление 22-го номера журнала „Казачий Сполох“, органа

Общеказачьей станицы окончивших ВУЗ и студентов в ЦСР, выявленное нынешней редакцией и правлением в качестве идеологической платформы — в смысле необходимости Казачеству стать на путь защиты прямых своих национальных интересов и добиваться своей национально-политической свободы и самостоятельности — всецело одобряет взятое направление и вменяет новой редакции и правлению продолжать работу на той же платформе“.

Обе указанные резолюции принимаются сбором всеми голосами против одного. После принятия этих резолюций сбор обсуждает создавшееся в Брненском хуторе положение. Ввиду того, что старый хутор продолжает существовать как хутор „Общеказачьей студенческой станицы“ каковой с прошлого года нет, т. е. она переформирована и, будучи организована на новых уставных нормах, существует под именем „Общеказачьей станицы окончивших ВУЗ и студентов“, а новый Брненский хутор первым принял, как новое наименование, так и устав, то станичный сбор утвердил в качестве Брненского филиала станицы — новый хутор.

Далее сбор приступил к выборам. Атаманом станицы выбирается д-р Михай Тимофеевич Гребенников; членами правления: студенты школы политических наук С. Б. Балыков и К. К. Поляков, ученый коопер. Д. П. Сухарев, д-р Растринин П. Д., инж. Агарков М. А., абс. горн. акад. А. Н. Петров. Председателем редакционной коллегии избирается инж. П. Д. Приказчиков. В Ревизионную комиссию — инж. Ажогин, инж. Рудык и В. Фролов.

До закрытия сбора в зал заседания входят ушедшие представители Брненского старого хутора и, представив мотивированное заявление о не признании сбора законным, покидают собрание, при чем, не дождавсь до конца сбора, срываюг свои флаги, которые так демонстративно утром вывесили и, галдя, уходят.

Интересно было сидеть на собрании молодой казачьей интеллигенции, но грустно было оттого, что она еще не научилась спокойно выслушивать мнения противников и хладнокровно переносить парламентские поражения. Свой.

Новый наскок г. Миллера на Казачество.

Г. Миллера, видимо, не удовлетворяет покорность, а иногда даже и услужливость Войсковых Атаманов. Он хотел бы оказаться единственным и полновластным распорядителем зарубежного Казачества. Поэтому он предпринимает новый маневр для того, чтобы через головы В. Атаманов подчинить своему непосредственному влиянию казачье офицерство, а через него и всю массу зарубежного Казачества.

25 февраля с. г. офицеры кадра 1 Екатеринодарского полка на своем собрании, состоявшемся в Париже по распоряжению г. Лебедева, „сочли необходимым приступить к организации „Объединения гг. офицеров, состоящих и служивших в 1, 2 и 3 Екатеринодарских полках“. Теперь по разным странам рассылается срочное циркулярное письмо, в котором офицерам-екатеринодарцам предлагается дать свои заключения и подписи на проект объединения, заключающийся в следующем:

1. Цель объединения: поддержание старых традиций полка, сохранение его реликвий и истории, поддержка кадра и проч.

2. В состав объединения входят: служащие и когда либо служившие в Е. п. офицеры.

Объединением руководит правление, состоящее из председателя, назначаемого предс. РОВС, т. е. г. Миллером; двух вице-предс., — 1-й — Командир кадра, 2-й — от офицеров полка; секретарь — и. д. адъютанта кадра полка. Постановления общего собрания действительны при наличии составе членов, собранных председателем в назначенный срок. Все члены объединения должны руководствоваться основами РОВС.

Почетными членами предлагается избрать гг. Миллера, Шатилова и Науменко, как В. Атамана. Взносов денежных не требуется: идите только.

Зачем и для чего, спрашивается, нужно подобное

объединение, если кадры всех Кубанских полков подчинены В. Атаману? Очевидно, это не по духу и не по убеждению гг. Лебедевых и Миллеров, не совпадает с их целями и намерениями. Такое объединение им нужно для того, чтобы в соответствующий момент они могли по своему произволу распорядиться Кубанскими полками. Об этом красноречиво свидетельствуют и предлагаемый состав правления. Председатель назначается Миллером, один заместитель председателя — командир полка, конечно, пропитанный миллеровским духом; секретарь — адъютант, ставленник командира полка, и только один — по избранию офицеров, который при несогласии может только возражать, а решение будет принято то, которое будет продиктовано Миллером.

Постановления общего собрания действительны при наличии членов, собранных председателем, который, таким образом, имеет полную возможность собирать именно тех, кто ему подходит, и не приглашать возможных противников его предложений.

Цель проектируемого объединения совершенно ясна и не может вызвать никаких сомнений. Любопытно, как отнесется к нему В. Атаман и наше офицерство? Если они пойдут на эту удочку, это будет значить только то, что они сами хотят быть пойманными.

Екатеринодарского отдела А. Тырин.

Есауловцы в Томашевце.

Казачи-Есауловцы, во главе со своим станичным атаманом В. А. Алферовым и станичным правлением, целиком эвакуированным еще с Дона, нашли себе приют в селе Томашевце-Банат, где живут уже 11 лет.

Занятия их очень разнообразны. С первых лет по прибытии в село, некоторые из них заарендовали землю, которую засевали пшеницей и кукурузой. Но теперь оставили, так как это не под руку, в виду дороговизны аренды. Сейчас же занимаются рыбным промыслом, заарендовывают реку „Тамишь“, имея невода, сети и другие рыболовные снасти. Есть и казаки мастера: машинисты на паровых машинах, по молотье хлеба, слесаря, чеботари и др.

В станице есть глубокие старики, участники русско-турецкой кампании 1876-77 год., а есть и молодое подрастающее поколение, которое воспитывается в вольно казачьем духе.

Молодежь часто спрашивает о Казачестве, о родном Доне, о котором они только слышали. Много раз требовали похода к себе в родные курени и незнакомые им станицы.

Но есть и такие, что не дождались того радостного дня, который должен озариться на востоке.

Атаман, выбранный еще на Дону, остается на своем посту и по ныне.

Со своими станичниками он направился по голодному пути к границе Грузии, где со всеми теми, кто не пожелал остаться в руках большевиков, перешел границу, откуда после 8-ми месячного сидения в лагерях через Батум пробрался в Крым. Из Крыма с теми же казаками, пожелавшими ехать в неизвестность, попал в Югославию.

Наша станица не потеряла и по-ныне свое обличье „Есауловская“.

Местная администрация и население с уважением относятся к есауловцам.

Всякий станичник-казак, где бы то он ни находился — здесь ли, в Европе, в соседней Азии, в заморской Африке, в заокеанской Америке или Австралии, — держит с ней непрерывную связь.

По воскресным дням казаки собираются у своего атамана. Он им прочитывает все полученные новости, газеты, журналы и всю казачью печать. После беседы и обоюдных разговоров казаки расходятся по временным домам-квартирам с верой, что не сегодня — завтра он их позовет и объявит поход. —

Итак, родные станичники-есауловцы, где бы вы ни находились, не забывайте свое родное казачье обличье и дорогую родину воскресящую Казакую. А она Вас никогда не забудет.

Г. Алферов.

Сидит справа — председательница Кружка А. С. Курганская, стоит слева — атаман Кубанской Станицы в Белграде П. И. Курганский, другая дама — большая приятельница казаков сербка Р. Петрович; стоит крайний справа станичный писарь Г. Шелест.

Співпраця.

З початку біжучого року в м. Ліоні зорганізувався невеличкий гурток українських емігрантів з метою ознайомлення чи студіювання де яких предметів, які б дали можливість до певної міри де кому поповнити свої знання що до загальної освіти; бо в умовах революційного часу та визвольної боротьби не кожний міг їх придбати; а де кому пригадати, обновили те, що з часом уже забулося. Гурток прийняв на себе назву: Українське Товариство Самоосвіти імені Т. Шевченка. Скорочено — У. Т. С.

В першу чергу Т-во поставило собі завданням простудіювати історію України та історію української літератури.

Використовуючи для сего занадто обмежений вільний час робітника емігранта, Т-во уряджує ряд лекцій, чи викладів, які відбуваються, звичайно, по неділям.

Ніяких інших завдань, крім культурно-освітньої праці, Т-во на себе не бере.

Метода, по якій уряджуються лекції, звичайно така: кожний член Т-ва, що почуває себе в силах підготувати та викласти лекцію, студіює її у себе і в призначений час викладає її перед аудиторією. Т-во розраховує на співчуття та прихильність і не членів організації, — більш широкого громадянства і, в разі потреби, може запрошувати на певну лекцію лектора зі сторони, як що тема його лекції відповідає наміченому курсу, або має певний інтерес і не суперечить основним принципам статута, який має ся організація.

26 квітня сего року таким лектором у нас був представник Вільного Козацтва пан Ленінов, який ласкаво погодився викласти лекцію, що своїм змістом обіймала цілий ряд найбільш цікавих моментів із історії вільних степових синів, — запорожського козацтва XVIII—XIX століття, яке не мирилося ні з московською, ні з польською опікою і волюло радше оселитися в чужих землях, під турком, чим поступитися своїми вольностями.

По змісту лекцію можна поділити на такі розділи: Руйнування Запоріжської Січі; Задунайська Січ; Запоріжці в Венгрії; Запоріжці в складі Ордена Мальтійск. Рицарів; 1 та 2 Дунайське козацьке військо; Азовське

Еще одно доброе дело Кружка Дам Казачек в Белграде.

На страницах „В. К.“ не раз уже приводились примеры бескорыстной и плодотворной деятельности Кружка Дам Казачек, во главе с председательницей А. С. Курганской. Миновавшие праздники Светлого Христова Воскресения Кружок ознаменовал еще одним добрым делом — раздачей куличей неимущим казачьим старикам и больным. Было роздано и разослано в провинцию до 60-ти пакетов, содержащих каждый — кулич, кусок сала, крашеные яички и штофик водки. Невозможно передать словами трогательных сцен, происходивших при раздаче куличей — многие старики плакали от умиления. „Не так дорог кулич, как сознание того, что о нас помнят и заботятся“ говорили они. Приводимая фотография воспроизводит один из моментов раздачи куличей в Белграде и отправки их в Панчевскую русскую больницу лежащим там больным казакам.

Следует отметить, что, как и все начинания Кружка, и это было выполнено без всяких субсидий со стороны, а исключительно на трудовые казацкие пожертвования.

(Соб. кор.)

Військо; Катеринославське військо; Чорноморське Військо.

Уміло, мистецьки виголошена лекція викликала живий інтерес у присутніх, тим більш, що лектор, очевидно, мав можливість використати для своєї лекції де який історичний матеріал, який для широкої публіки в умовах еміграційного життя не завжди доступний. Отже, широко дякуючи панові Ленінову за прочитану лекцію, сподіваємося, що і на далі ми будемо мати можливість вітати у себе як п. Ленінова, так і других представників Вільного Козацтва.

Дозволю додати від себе, що нам було б також цікаво заслухати, бодай в коротких схематичних нарисах історію окремих козацьких Військ, які мають ввійти в майбутній державний організм — Козацію, як то — Козацтва Донського, Астраханського, Терського, Уральського т. и.

Спільна ідея сусідніх народів — вибороти право на свободне життя в своїй хаті та віковичне стремління до волі, як одних, так і других, завжди будуть звязуючим цементом між козацтвом та українським народом, між майбутньою Козацією та Українською Державою.

Л. О.

Среди калмыков в Чехии.

Калмыцкая колония в Праге, группирующаяся вокруг Калмыцкой Комиссии Культурных работников 1 мая с. г. чествовала 25 летний юбилей общественно-политической деятельности Б. Н. Уланова. Деятельность Уланова, как среди калмыков, а также и среди Донского Казачества известна эмиграции хорошо; он является одним из активных работников, не падая духом продолжающих борьбу, прерванную временной победой большевиков. Б. Н. Уланов — один из авторов Донской конституции 1918 г. и теперь, не в пример другим, не отказывается от ее основ.

Калмыцкая Комиссия Культурных Работников в ЧСР, самая большая и плодотворно работающая калмыцкая неполитическая организация, включающая в свои ряды почти всех интеллигентных калмыков, желающих работать на возрождение своего угнетенного народа, — во многом детище Уланова. Имя этой орга-

низации популярно среди калмыков в эмиграции и жизнь ее, несмотря на принадлежность членов ко всяким политическим партиям, проходит в дружной работе, руководимой Улановым.

Поэтому в состоявшемся чествовании ее председателя и основателя приняли дружное участие все наличные члены комиссии и в теплых, искренних речах отмечали заслугу Б. Н. перед своим народом в годы наибольших его моральных испытаний.

К этому дню были получены многочисленные приветствия из зарубежных калмыцких организаций и отдельных лиц. Юбиляр еще молод (45 лет) и полон сил и энергии и, надеемся еще долго будет работать для своего народа. В недалеком будущем Калм. Ком.

выпускает специальный № „Улан Залатэ“, посвященный всесторонней деятельности юбиляра.

С. Б.

Перевыборы в Общеказачьей студенческой станции в Белграде.

В О.К.С.С. в Белграде состоялся отчетный сбор с перевыборами. Атаманом, вместо отказавшегося по болезни Беломестнова, избран Н. Букин, помощником — Б. Кундрюцков, писарем — К. Поликарпов и казначеем — Недождогин (все донцы). Председателем ревизионной комиссии избран П. Суслов.

(Соб. кор.)

В Казаки.

Голос с Родины.

Ниже мы помещаем 4 письма, полученные с Родины одним из наших читателей и присланные нам для напечатания: „... Нехай почитають всі зарубешні козаки, що робиться у нас в ріднім Краї, як козаки страдають...“

Одно из них от коммуниста или готовящегося стать коммунистом, состоящего на военной службе. Разумеется, у него — все хорошо в „государстве трудящихся“. И совершенно иначе изображает обстановку тот, на спине и на плечах которого лежит вся тяжесть производимых большевиками экспериментов.

Письмо коммуниста.

Город Д. 7-II-1930 г.

Дорогой брат К.

От души шлю я и моя семья тебе привет в далекую..., передай это своему товарищу Н. Ты задаешь мне вопросы большой важности на политические темы, как мы лично живем, какова жизнь в нашем государстве „Трудящихся“. На все эти вопросы постараюсь полностью ответить. 1) Я лично живу незавидно, потому что у меня плохое здоровье, а оно необходимо, дабы еще продолжать работу на пользу страны трудящихся — отечества угнетенных всего мира. В 1919 году по возвращении с Германского плена я, будучи юным, прослужил Деникину несколько месяцев. Это моя единственная глупость, за которую меня страна трудящихся простила, да и не винила, так как я и многие другие были несознательны и не знали задач советов.

С 20-го и по 1923 год я служил в рядах нашей рабоче-крестьянской красной армии на командных должностях. Участвовал в боях с врагами страны трудящихся. С 1923 г. был в ряде учреждений, заведений и т. д. В данный момент, с августа 1929 г. я служу в городе Д.

2) В отношении жизни нашего государства я могу сказать тебе, что если бы ты приехал в наше государство, ты безусловно бы удивился нашим достижениям. Например, Н-ская станция имеет тракторную станцию до 40 тракторов, которые обрабатывают весь земельный массив станции. Поезжай в любую станцию или село, ты первым делом наткнешься на трактора. Строим тракторный завод в городе Сталинграде (б. Царицын) с выпуском 120.000 тракторов в год. Строятся автомобильные заводы, гидроэлектростанции, по мощности превосходящие все Европейские. В общем много, много, которое тебе далеко и чуждо, но родно и завидно.

Безусловно плохо живется у нас — это врагам трудящихся, и они наказаны тем, что лишены избирательных прав в советы, полностью отняли у них землю, заводы и фабрики. В общем — хозяин всему — „Труд“. Кто не работает, а эксплуатирует чужой труд, считается у нас чуждым элементом.

3) В отношении церкви ты говоришь, что у нас якобы запрещают. Нет, не верь, это ложь. У нас свобода религии, при чем церковь отделена от государства, и последнее тем вопросом не интересуется. Госу-

дарство все силы прилагает на индустриализацию нашей страны, сделать так, чтобы владыкой мира был труд. Я лично не верю богу, а равно и черту: это два собрата созданы для устрашения трудящихся. Я верю науке и коммунизму, хотя пока я не коммунист...

Ну, на этом я закончу, а скажу, как брату, следующее: не место тебе бесцельно проводить молодую жизнь в чужой нам стране, за рубежами нашего государства; прямое и верное средство тебе быть дома и участвовать в социалистическом строительстве и если отдать здоровье, так на пользу трудящихся. Ведь, насколько я знаю, ты — большевик, был в Екатеринбургской тюрьме заключенный кадетами, но непонятно, почему ты стал офицерским прихвостнем и бежал с ними: они боялись гнева народного, а ты? Ты просто проявил глупость и изменил народу. Но за это тебя простят трудящиеся. Если думаешь ехать, то напиши на имя Совнаркома заявление..., можешь связаться с советским представительством в Греции или в Вене и через них ходатайствовать. Твой шурич А.

Письма от казака...

I.

7 марта 1930 года. Добрый день К! я получил одну открытку 25 января 1930 года, а другую сегодня. И что же, решил ответить на две открытки одним письмом. Вот что, братец, я на тебя рассердился не шутя. Думал больше не отвечать, но раздумался, еще раз напишу. А почему я на тебя рассердился? Потому что я тебе пишу не письма, а целые газеты. Ты думаешь, я не рискую собой? О, брат, у нас это строго преследуется. Ведь я не боялся тебе писать очень многое, ведь написать — здравствуй, а потом — прошай, это ничуть не интересно для тебя. Я знаю, тебя интересует наша жизнь и в общем Россия. Эх, брат, когда то была Россия, а теперь гнездо оборванцев. Вот поскольку тебя интересует жизнь России, так меня интересует жизнь тех людей, которые попали за границу, и в частности твоя жизнь. Но ты почему то умалчиваешь, не хочешь писать, напишешь открытку — два или три слова, а лично о себе или о всех вас ничего нет. Это меня не устраивает, и последний раз предупреждаю, если ты не ответишь письмом на те вопросы, о которых я тебя спрашивал, тогда не обижайся: больше я тебе не пишу, я, брат, знаю, что это тебя крайне обидит, но что же, я обиделся на тебя не меньше этого. Так помни же, о чем я тебя прошу не шутя. Конечно, в заключение надеюсь, что ты удовлетворишь мое любопытство. А теперь, друже, пишу свои советские новости.

Для того, чтобы написать все наши новости, нужно писать не письмо, а газету, то я решил написать хотя самое главное. Живем мы в советском красном раю лучше желать не нужно. Теперь у нас своего ничего нет: лошадей забрали, ходы, букари и грабли, одним словом, все посевное забрали, все сеять будет коллектив. Дело было так: собрали „актив“, т. е. бедноту — Мыкыту Ц. и подобных ему — предложили, чтобы все перешли в коллектив; они, конечно, подняли руки, они сами не знают, для чего поднимать, и пос-

читали — единогласно, постановили организовать коллектив, и дело кончено. Если ты не хочешь, тебя никто и спрашивать не будет, давай все хозяйство в коллектив, а ты как хочешь, с голыми руками, куда пойдешь? И такая лавочка по всему Кавказу, сквозь коллективы. Если ты не хочешь в коллектив, все равно забирают все барахло, лошадей, посевное (инвентарь), а предупреждают засеять всю землю. Сей, если нечем сеять и нечем пахать. Вот как наши социалисты распоясались.

Мало того, когда босячница постановила всем войти в коллектив, конечно, большинство против; они заявили на собрании: кто не желает, подай заявление, что не желаешь несмотря на то, что люди у нас так напуганы, как было в 1918 году; все-таки заявлениями засыпали об исключении из колхоза, и не только у нас, а скрозь, по всей Кубани. Ночью собрали собрание красных партизанов. Они и те, одним словом, супчики, которые были добровольцами в 1918 году и еще были из наших ... и что же? В 12 часов ночи пошли аресты, в нашей станции арестовали 86 человек: кто был чем-то в старое время, потом вспомнили 18-й год, кто кого когда то обидел, ну, одним словом, всякая грязь всплыла наружу, и ночью отправили в Тимашевку в „ДЕПО“ железнодорожное. Я думал, что это только у нас, а оказалось, что эти аресты по всему Северному Кавказу. Три дня шли подводы через нашу станцию с арестованными из станиц — А. Б. С. Д. И. К. и всех свозили в депо и набили туда такую массу, что ни ложиться, ни сидеть негде было и кругом обставленные часовыми, сидели две недели, а потом отправили в ссылку семьями в Сибирь... Ну, одним словом, всех и не пересчитаешь... Целую неделю делали погрузки на станции Тимашевской. Через нашу станцию шли подводами — и сколько их шло — женщины, дети, старики, старухи, плач, да еще холодно было, а они отправляют со всех сторон окружены милицией. Такая масса подвод с этими переселенцами. Многие пострадали, — просто не нравятся им, хамам, лицо, притерутся к человеку, дескать, злостно не желает продать хлеба, не хочет поддержать советской власти, и начинают судить. Так судили Х на три года на ссылку и ограбили все имущество.

В общем таких много, и такое же несчастье случилось и с вашей семьей. Где-то у ваших родных хлеб был спрятан, а у нас как не спрячешь, значит с голоду умрешь. И вот хотели арестовать вашего отца, но как то удалось уехать, где-то скитается, жив и здоров, но тебе не пишу где, потому что бумаге доверять не стоит. Если б не уехал старик, значит хорошо, если бы остался жив, а то, кто его знает. Но хозяйство ваших разграбили до основания; не знаю, как они там живут. Мама ваша часто бывает у нас, покупают хлеб на базаре. Смотри не пиши, что я пишу о ком. Так что у нас кругом царствует смерть и разрушение. Знаешь, первые годы они боялись, авось придут из заграницы, беда будет, а теперь они, хамы, никого не боятся, набрались смелости и издеваются, знают то, что из заграницы никто им не грозит и никто никогда не придет и бояться им нечего, потому они так и обнаглели.

Так вот, брат, что вас городовики уже не считают, что вы там и живете. Дальше, осенью была хлебозаготовка, т. е. накладывают на тебя столько, сколько ты зерна всего с голоду не набрал, и предлагают — ты должен продать государству столько то пудов; и вот ... мучили так целую зиму, выжимали фунтами, заставляли детей, учеников покупать хлеб. Дети с мешками во главе учителей просили по двору, как нищие. Ведь это такая была гнусная картина, что стыдно смотреть. Не думай, что я шучу, это истинная правда...

II.

28 ноября старого стиля 1930 г.

Добрый день, уважаемый К.! Письмо от тебя получил, адресованное на сынишку. Я очень благодарю за твой отзыв, но к большому сожалению, что я не в силах воспользоваться твоими услугами. Дело вот в чем: распросил я в банке насчет пошлин из заграничных товаров, мне сказали, что мы вас уверем, если и про-

пустят посылку, то от нее сами откажетесь: пошлины такие наложат, что вы не в состоянии ее выкупить и вынуждены отказаться; тот товар, что, предположим, будет стоить 20 долларов, то они наложат на него 200 долларов; да, друже, ты и не удивляйся, потому что на такие грабежи способна только одна Россия во главе со своими большевиками.

Теперь я тебе должен сказать, как мы живем. Мы живем сейчас на положении рабов. Я сейчас работал целое лето в коллективе, и что же я заработал? За целое лето ничего, единственных 10 пудов ячменя и больше ничего не дали и не дадут, потому что нечем платить. Пожалуй, ты поинтересуешься, а почему же я работаю в советской барщине, если за труд не платят ничего? А потому, друже, что я им, как чиряк на заднице, так они меня любят. Если не пойти в кабалу в колхозах, то меня в два счета вышлют, а высылают знаешь куда? — На Урал, в Сибирь, а там жить еще хуже в тысячу раз, чем в наших проклятых колхозах. наших станичников много выслали, много уже там погибло их, главное — сильные холода. Хлеба дают там только по 100 грамм и заставляют корчевать лес. Кое-кто приходили домой оттуда, убегали, их опять арестовывали и отправляли назад на Урал. Что же они рассказывают, какие страшные мучения переносят бедные люди, голодные, хлеба не дают, а работа тяжелая. Знаешь, один ужас какой-то, кошмар, и люди гибнут, как мухи. У нас много расстрелянных, напоминают всех — бумаги не хватает. Теперь каждые ночи все берут ГПУ т. е. чрезвычайка и, знаешь, какие у нас погибли люди ни за что, что жаль подумать и все причиною то, что проводят сплошную коллективизацию, а люди не хотят. И для того, чтобы напугать остальных, они арестовывают людей совершенно невинных, чтобы остальные шли в коллектив. Выбирай любое: на ссылку в Сибирь или на расстрел, или иди в коллектив — работать за фунт хлеба. Конечно, не зная хорошо советской власти, можно подумать, а я тебе скажу (следует непечатное ругательство), с ихним социализмом. Счастливый ты, что не переносишь этого татарского ига; например, у кого была посеяна озимая, тому дали его же озимой 12 пудов на год, а остальные на ссылку отправили. Материи ничего нету, не знаю, что будем делать дальше: сапоги длябудня на частном рынке стоят 120 рублей, а в кооперации стоят 20 рублей, но их нет, привезли 20 пар на станцию — и все. Теперь сам суди, обуты ли мы, ясно, что босые. Теперь за целую осень при везли три штуки материи и выдали по полтора метра служащим и красным партизанам, ну, значит, тем, кто с 18 года добивался свободы. Ну, понимаешь, что у нас ничего нет, мы голые и босые, у меня, например, ни на будень, ни на праздник нет сапог. Когда ты мне сказал, что у вас есть хромовые и боксовые сапоги, так у меня, знаешь, слюнки потекли. Думаю, подам деньги, и ты мне вышлешь, а оно не так-то было, и теперь я сижу дома, не в чем в кино пойти. Так вот ты теперь должен понять, какая у нас свобода. Осенью у нас выслали, ну полтора месяца назад, в Ставропольскую губернию в селения К. Д. и проч. селения, ты, кажешься, знаешь, а из тех селений выслали всех на Кубань, и в нашей станции есть ставропольцы из тех сел, куда наших выслали; просто наши большевики с ума сходят... Раньше они как-то боялись заграницы, а теперь никого не стали понимать; наши большевики пишут, что мы не боимся заграничной буржуазии, того, что рабочие всего мира за нами, дескать, если объявят нам войну, то и там босовня сделает революцию. Не знаю правда это или нет; удивляюсь, неужели еще найдутся дураки, подобные русским, чтобы пойти на большевицкую удочку...

Наша большевизия что-то готовится к войне, чуят порох, везде занятия, газеты только и трещат о том, что капиталисты готовятся напасть на нашу советскую власть, что они затевают...

Дальше, ты наверно, знаешь, что твоего тестя выслали в Ставропольскую губернию в селение К., а моего — на Урал еще в феврале месяце. Отец наш работает на М., домой являться нельзя, письма домой пишет на кого либо... Если будешь отвечать, то не пиши

о том, что пишу тебе новости, а то меня могут пойма-ть, и тогда прощай, свег. Ты сделай так, если получишь письмо... У тебе подаю газеты кусок, в которой советские дуроломы метаю гром и молнию на загра-ничников, что, дескать, нас хотят закабалить, продать и прочее. Если получишь, то сам прочитаешь, как на разные голоса заливаются советские шавки... Пока будь здоров.

III.

1 марта 1931 года.

Добрый день, дорогой К!

... Ваше семейство живо все и подаю привет. Н. арестовали, уже другой месяц сидит в Б. в темных и холодных амбарах без света и тепла. Ты, пожалуй, спросишь, за что его арестовали? Эх, друже, не спрашивай. Если им почему-то не понравился человек, значит ему приписывают политику и ссылают в Сибирь на рубку леса. Не только он сидит, а их много, из нашей станицы 64 человека. У нас, друже, строится настоя-щий социализм, — тюрьмы все переполнены хлеборобами, Сибирь вся наполнена Кубанскими казаками, я знаю, что ты не поверишь, но поверь, что это именно правда. Это лето работали в колхозе и что же, полу-чили по 12 пудов из своего собственного посева и де-нег, если не 10 рублей, то 5 рублей. По 12 пудов зерна выдали на целый год. Спрашивается, хватит ли до но-вого? А у кого посева не было, тот голодает, как на-зывается.

У нас в станице осталось половина населения, а половина в тюрьмах и на высылке, а теперь очередь за нами, так что, брат, мы погубили, мы — полные рабы за кусок хлеба и то в проголодь. Дядя Н. и ваш отец, а также М. и Л. в Закавказьи работают за кусок хлеба.

Ты что-то там напоминал насчет того, чтобы при-ехать в Россию за семьею что-ли. Я тебе вот что скажу: если ты не хочешь жить, значит езжай в Россию для того, чтобы живьем сгнить в тюрьме, или на другой день расстрелянным этими мерзавцами. Ты знаешь, что у нас в Екатеринодаре в подвалах люди сидят по году и одежда на них гниет от сырости, а люди гибнут, как мухи. Ты знаешь, что не успеешь ступить ногою на советские земли, и тебя советская жандармерия на нюх услышит. Смотри, не наберись глупости, Боже тебя сохрани, постарайся и не думать. Россия — это значит: смерть, насилие, разрушение, нищета и голод и тяжелый принудитель-ный труд. Но предупреждаю, что о том, что я тебе пишу, не пиши домой ни слова...

И так мы должны умирать с голоду большевиками, а ты живи и будь счастлив, а о России не мечтай, по-тому что советская власть пустила такие корни не только у нас, а и за границей, что их никогда и никому не вырвать. Ну, будь здоров...

Что делают оккупанты?

Советская колонизация Кубани.

В Краснодарском „К. З.“ 21 апреля находим неко-торые сведения о целях и задачах советской колони-зации Кубани. Под кричащим заголовком „Раздавить классового врага — укрепить колхозы“ читаем следую-щий отчет о съезде колхозников ставропольцев в Крас-нодаре:

„Вчера, в 6 час вечера, в зале совпрофа открылась межрайонная конференция колхозников и коммунаров-переселенцев из бывших Ставропольского и Сальского округов в районы бывшего Кубанского, Майкопского, Черноморского и Донского округов.

Конференцию приветствовали от имени краевого комитета ВКП(б) и крайисполкома тов. Лучанинов, от имени горкома ВКП(б), горсовета и горсовпрофа т. Бе-лячков, от рабочих завода им. Калинина, от им. Крас-ной армии тов. Кокарев, от коммуны „Заря“ тов. Ко-рнев, от пленума горсовета тов. Кулачко.

Конференция избрала в почетный президиум т. т. Сталина, Молотова, Калинина, Ворошилова, Буденного, Шедоблаева и Пивоварова.

С докладом о задачах колхозников-переселенцев выступил председатель краевой хозяйственной комиссии по переселению тов. Лучанинов.

Остановившись на успехах социалистического стро-ительства, международном положении и важнейших за-дачах, стоящих перед трудящимися Советского Союза, тов. Лучанинов переходит к вопросу о переселении.

— Краевой исполнительный комитет, когда разре-шал вопрос о переселении, исходил из того, что мы должны будем обеспечить использование крупнейших богатств бывшей Кубани и Черноморья, а также дол-жны будем дать возможность приложить свой труд пе-редовым колхозникам, в значительной части состоящим

из красных партизан, проживавших в восточных засуш-ливых районах.

Несмотря ни на какие трудности, была поставлена задача — обеспечить сколоченное ядро колхозников возможностью обосноваться и наиболее успешно при-ложить свой труд в местах откуда выселены кулацкие элементы.

— Сейчас наша задача — разрешить вопросы, свя-занные с обеспечением переселенцев-колхозников всем необходимым, чтобы выполнить намеченные планы сева.

Однако, выселение кулаков еще не означает, что не осталось врагов социалистического строительства. Нам нужно помнить, что еще имеется притаившийся враг, который замаскировался, но который будет вести вредительскую работу, чтобы нанести ущерб социали-стическому строительству.

Этот классовый враг, конечно, попытается исполь-зовать и слабые места в вашей работе. Есть отдельные факты, когда даже переселенцы — мало развитые кол-хозники — попадают под влияние кулацкой агитации. Это требует особой классовой бдительности. Нужна слайка колхозников, нужно вести борьбу с попытками посеять рознь под видом того, что одни „сальцы“ и „ставропольцы“, а другие „кубанцы“.

Далее тов. Лучанинов останавливается на характе-ре хозяйства в тех районах, в которые переселились колхозники из Сальского и Ставропольского округов.

В заключение тов. Лучанинов говорит:

— Под руководством коммунистической партии и советов, под руководством и при помощи рабочего клас-са, мы должны поднять производительность труда, на-прячь все силы, чтобы преодолеть имеющиеся трудно-сти и разрешить по-боевому стоящие перед нами зада-чи по весеннему севу“.

На Тереке.

В Георгиевском районе Терской области между оперирующей здесь местной повстанческой группой и военным отрядом, высланным для ликвидации пов-станцев, произошло 12 апреля столкновение близ слеп-цовского хутора, закончившиеся убитыми и ранеными с обеих сторон. Повстанцы скрылись. Все жители хуто-ра в количестве 83 лиц с семьями были 14 апреля принудительно отправлены в Георгиевск для дальней-шей высылки в Архангельский район на лесозаготовки. Высланные обвиняются в поддержке и укрывании пов-станцев. (Р.)

Расстрел казаков.

В станице Крымской Кубанской области 16-го апре-ля состоялся первый в СССР показательный процесс. Выездной сессией суда были приговорены к расстрелу за агитацию в пользу сокращения посевной площади два казака. Приговор был приведен в исполнение утром 17 апреля. (Р.)

„Сдвига нет“.

В „оперативной сводке промышленности“ 23 апреля в „К. З.“ читаем, что:

„Вторая декада апреля не дала должного сдвига в работе краснодарских промышленных предприятий, а по некоторым из них имеется ухудшение в выполнении плана.

Работа предприятий за это время характеризуется следующими данными“.

Там же, на следующей странице, „бьют тревогу“ по поводу „резкого снижения темпов мобилизации фи-нансов“:

„План второго квартала по мобилизации средств в первую декаду апреля выполнялся плохо. Вторая декада вместо перелома дала еще более низкие темпы, поставив апрельский план под угрозу срыва“.

„Бьют тревогу“ цифры и на следующий день. 24 апреля там же читаем:

„План мобилизации средств второго квартала за две декады апреля выполнен Краснодарским районом только на 19·6 проц. За первую декаду район выполнил квартальный план на 11·9 процентов, а за вторую только на 7·7 проц.

Особенно скверно поступают взносы по акциям Тракторцентра — за 20 дней апреля квартальный план выполнен только на 12·3 проц.

По выполнению финплана идут впереди хутор Сте-фановский и село Калинино. Квартальное задание за две декады выполнено: stefановцами на 68·5 проц., а калининцами — на 38·5 проц.

Из рук вон плохо проходит мобилизация средств в селе Долиновском, где квартальный план за вторую декаду выполнен только на 1 процент, ст. Старо-Кор-сунской — 1·5 проц., Ново-Титаровской — 2 проц. и Ново-Величковской — 2·5 проц.“

Открыта подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“
 выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	30 кр.	50 кр.
В Польше	10 зл.	15 зл.
В Югославии	40 дин.	70 дин.
В Болгарии	50 лева	100 лева
Во Франции	30 фр.	50 фр.
В других странах	1½ ам. д.	3 ам. д.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchecoslovaquie.
 Подписную плату посылать только по адресу редакции.

Казачи!

Подписывайтесь на свой журнал
„Вольное Казачество--Вільне Козацтво“.